

Владислав Выставной  
**Я ПРИШЕЛ  
ВЗОРВАТЬ МИР**



З В Е З Д Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

Маски врагов

Владислав Выставной  
**Я пришел взорвать мир**

«Автор»

2011

## **Выставной В. В.**

Я пришел взорвать мир / В. В. Выставной — «Автор»,  
2011 — (Маски врагов)

Гор Дэй, искусный мим из могущественного Конгломерата миров, за тяжкое преступление приговорен к смертельному наказанию – отправке в Точку невозвращения. На планету Земля. Наша планета – сродни космическому лепрозорию. Наша жизнь – ничтожный срок для любого жителя Конгломерата, и ссылка на Землю – лишь отсроченный смертный приговор. Обреченный сам становится «краткоживущим» – землянином. А потому в «гуманных» целях обреченному стирают воспоминания. Но вышло так, что к Гору возвращается память. И он обнаруживает себя на дне бытия – ведь во всех мирах Землей пугают непослушных детей. Гор пытается выбраться с Земли, но по следу уже идут те, в чьих руках сила и власть...

© Выставной В. В., 2011

© Автор, 2011

## Содержание

Пролог	5
Часть первая	7
Глава первая	7
Глава вторая	23
Глава третья	33
Глава четвертая	50
Конец ознакомительного фрагмента.	59

## Владислав Выставной

# Я пришел взорвать мир

*Однажды добрых часа три подряд я с тупым упорством крутил этот дурацкий кубик – ну помните? У которого все стороны должны оказаться одного цвета... Ах, да... Кубик Рубика.*

*В один момент меня осенила дикая мысль: вот она у меня в руках – квадратная многоцветная Земля! И я могу крутить ее вдоль параллелей и меридианов, сколько угодно – только никогда у меня не получится причесать ее грани по нужным цветам.*

*Знаете, что я тогда сделал? Я взял и разбил чертов кубик подошвой ботинка. И собрал заново – из кусочков. И все получилось: каждая грань своего цвета!*

*Тогда я понял, что эта головоломка под названием Земля находится в руках какого-то недалекого простака, которому никогда не собрать все грани по нужным цветам. Слава этому милосердному существу: благодаря ему на Земле всегда будет царить веселая непредсказуемость! И упаси Боже этому кубику попасть в руки какому-нибудь педантичному умнику! Причесанная и прилизанная планета превратится в унылый памятник самой себе.*

*Крути, крути наш кубик, простак-недоучка! Делай нашу жизнь непредсказуемой – и оттого хоть сколько-нибудь счастливой!*

*Главное – не вздумай обмануть правила и разбить ее на отдельные детали. Ведь – что стоящее можно собрать из обломков?..*

*Из Монологов Мима*

## Пролог

Со дна Арены Правосудия Трибунал выглядит чем-то чудовищным, подавляющим, втаптывающим в ничто.

Так и задумано: подсудимый в центре Карающего круга должен в полной мере ощутить собственную ничтожность. А те, кто, молча наблюдает с трибун – ощутить весь холод наказания и надолго запомнить урок. Что чувствуют при этом Судьи – удовлетворение от свершения правосудия или садистское наслаждение властью? Неизвестно. Да и не так уж важно.

Гор смотрел вверх, на Судей, и ужас, излучаемый ими с высоты лож Высокого Трибунала, постепенно пропитывал насквозь. Одно этого чувства достаточно, чтобы убить человека. Но Сервер не позволит этого. Процедура будет доведена до конца, в соответствии с положениями Статута. Наверное, нет никакой практической необходимости следовать сложившейся форме, для того, чтобы расправиться с приговоренным.

Но Трибуналу требуется торжественная и зловещая символичность.

В назидание остальным.

Так задумано бездушной карающей машиной Конгломерата. И процедура всегда выполняется неукоснительно.

Но даже сейчас, в кошмарном полубредовом состоянии, Гор надеялся, что ему удастся обмануть Трибунал.

Гор молился Всевидящему Серверу. Он знал, что даже эти, последние его мысли преступны – ведь вера в высшие силы также запрещена Статутом. Но было уже все равно.

Он просил о смерти. Ведь только смерть могла стать избавлением от бесконечных страданий, которые сулил ему приговор. Потому, что альтернативы его участи быть не может.

Его отправят в ад.

В самое жуткое во Вселенной место, откуда нет возврата. Туда, где приговоренному останется только завить от безысходности и сгнить заживо в нечеловеческих муках.

Единственное проявление милосердия заключаться в том, что он все забудет. Все – о своей прежней жизни. И примет наложенную кару, как должное.

– ...Гор Дэй, человек, уроженец Темной Линии, из ветви Мимов! Как подданный Конгломерата, носитель стандартного пакета прав и обязанностей, нарушивший положения Красного параграфа Статута Прав Линий...

Гор склонил голову. Умереть от стресса раньше положенного срока не дадут шупальца медицинского Сервера. Но ТАМ, внизу, он не проживет и секунды. Потому что должен сработать прощальный подарок Нейлы – тот, что она передала ему через последний поцелуй...

Вспомнил ее лицо, и новая волна боли обрушилась на слабеющее тело. Ведь все было так хорошо, такие планы они строили...

Столько надежд разбилось о его глупость...

– ...приговаривается к крайней мере Воздаяния по поступкам своим!

Толпа на трибунах все-таки не выдержала. Всеобщий вздох пронесся вокруг – не сочувствие, не сопереживание, не поддержка. Просто страх. Страх, который испытывает каждый человек, когда столь близко ощущает дыхание смерти.

– Гор Дэй! Слышите ли вы приговор Высокого Трибунала?

– Да....

Теперь нужно дождаться, когда в момент отправки Обреченного Сервер на миг ослабит контроль. Тогда достаточно просто крепко сжать зубы – и крошечная капсула, проникшая в плоть при прощальном поцелуе, выполнит свою единственную задачу – быстро и безболезненно убьет его.

– Итак, согласно решению Высокого Трибунала вы отправляетесь пожизненно, без права на возвращение в исключительную карантинную зону...

Ну, вот и все. Осталось только выждать момент – и воспользоваться последним подарком...

– ... в Точку невозвращения...

Все. Конец...

– ...на планету Земля...

## Часть первая

### Свалка ненужных людей

*Свобода – самая желанная и самая лживая на свете вещь. Так часто под лозунгом свободы людям несли еще большее рабство, что слово это потеряло всякую ценность.*

*Поэтому я говорю вам: меня не волнует свобода всех и каждого.*

*Нет, меня волнует только свобода близких мне людей – самых несчастных людей во Вселенной. Тех, чья короткая жизнь не дает надежды дождаться воцарения всеобщего счастья – для всех и каждого, без исключения...*

*Из Монологов Мима*

## Глава первая

Пустота – она везде пустота. Будь то черная мгла космоса или тоскливое ничто в холодильном холодильнике. У пустоты свои, особые свойства. И главное из них – отсутствие всяких видимых свойств.

А потому случайный наблюдатель очень удивился бы внезапной ветвистой вспышке молнии в ледяной пустоте на где-то границе Солнечной системы и тем более поразился бы раскатам грома, который, как утверждают земные ученые, услышать в вакууме никак нельзя.

Только таково уж свойство внепространственного прыжка – издавать необъяснимые рокошующие звуки в полнейшей пустоте при появлении ниоткуда материальных предметов, отправленных в эту точку Вселенной из невероятной звездной дали...

Только никакого случайного наблюдателя, конечно же, не было. И никто не видел, как, укутанный в хаотическую сетку разрядов, вынырнул в околосолнечное пространство массивный вытянутый предмет. Глядя на него, этому мифическому наблюдателю, скорее всего, могло бы прийти в голову сравнение с гробом. И никто не стал бы его переубеждать.

Во-первых, сделать этого некому.

А во-вторых, за толстыми стенками, под надзором бдительных синапсов некоего умного автономного устройства, действительно находилось тело. Только отнюдь не мертвое. Лишь погруженное в невероятно глубокий сон.

Контейнер появился здесь не случайно. Определившись в пространстве чувствительными приборами, он откорректировал направление и отправился по огромной параболе в сторону орбиты одной из планет этой системы.

И не надо быть тем нелепым, непонятно чего ждущим в космосе наблюдателем, чтобы понять: такой планетой могла быть только Земля...

Гордей проснулся от собственного стога.

Уселся на скомканной постели, тяжело дыша, весь мокрый от холодного болезненного пота.

Он все вспомнил.

Если только это не было кошмаром...

О, если бы это был просто ночной кошмар, болезненная вспышка раздраженного сознания! Если бы это был просто психоз, бред, сумасшествие...

Но как же так получилось? Он давным-давно должен был быть мертв. Ведь это так просто: изо всех сил сжать зубы – и все...

Неужели... Неужели Нейла подвела его? Нет, этого просто не может быть... Но ведь что-то произошло?! Он все еще жив и он помнит...

Помнит...

Сердце зашло в неровном, отчаянном стуке. Новая волна ужаса окатила его, чья-то мерзкая холодная рука сжала горло, мешая дышать.

Значит, вместо «милосердного» лишения памяти, и даже вместо отчаянной помощи в быстрой и легкой смерти, он получил от подруги нечто совсем неожиданное – то, что, не убив его, в то же время свело «на нет» последнюю возможность избавления от мук. То есть от собственной памяти.

Ведь смерти не страшно смотреть в лицо, когда ты не догадываешься, что это – Смерть.

И теперь он здесь, в аду, самом страшном месте среди миров.

В огромном, бурлящем агонизирующей жизнью хосписе.

В закрытой ото всех зоне Вселенной.

В лепрозории.

На планете-вампире, быстро высасывающей из человека жизнь.

На проклятой древними планете Земля.

И теперь он здесь гниет заживо и, самое страшное – осознает это!

Как же вышло, что не сработала ни программа милосердного очищения памяти, ни тем более – смертельная микрокапсула, подаренная последним поцелуем Нейлы?..

Прислушался к собственным ощущениям. Он знал, что процессы разложения уже всюду принялись за него. Что жуткие болезни проникают вглубь тела, а местная атмосфера, разъедающая его, все быстрее и быстрее быстро отсчитывает последние годы...

Ведь здесь, на Земле не живут долго. Максимум – лет семьдесят по местным меркам. Сто – если повезет. И умирают здесь от самых жутких болезней, какие может себе вообразить житель Конгломерата.

А ведь там, в любом из сотен миров, даже он, рожденный волею Всевидящего Сервера с печатью самой низшей, Грязной, или как официально выражались, Темной Линии, на судьбе, мог рассчитывать как минимум на тысячу местных лет жизни, избавление от болезней и легкую смерть – когда будет исчерпан лимит времени, отведенный для людей его сорта...

Да, здесь истинное царство смерти.

Здесь люди без устали убивают друг друга. Говорят, убивают тысячами, может даже – миллионами. Здесь никогда не прекращаются войны – будто эти несчастные стремятся как можно быстрее прекратить свои страдания. Здесь могут убить в любую минуту каждого – просто, за какую-нибудь вещь, за деньги...

И он слышал – хотя, наверное, это просто досужие рассказы – будто земляне сами с легкостью расстаются с собственной жизнью, обрывая ее нарочно в самом начале, даже не познав и части палитры ее смыслов и значений! И никто здесь не поможет в быстром и легком Уходе. Иногда они убивают сами себя невероятными, зверскими способами, а иногда – еще и забирая с собою множество жизней чужих...

Необъяснимо... Но как вообще можно объяснить сущность Ада?!

Ведь здесь именно Ад. И он, Гордей, прекрасно понимает это.

Только люди, живущие на этой планете, никак не желают понять очевидного. Может, потому, что никто их об этом не информирует?..

...Гордей болезненно сжал и разжал веки. Огляделся. Его постель – у брезентовой стенки палатки. Да, он знает, что это такое. Это – палатка. А рядом – несколько таких же походных армейских коек...

Стоп. Что же это все означает? Почему он так странно искажает собственное имя, мысленно произнося его – «Гордей»? Гор... Дэй...

И тут он окончательно вспомнил ВСЕ.

И зарычал от тоски и боли.

На соседней койке, недовольно кряхтя и скрипя ржавыми пружинами, заворочался бело-брысый здоровенный детина. Это Митя. Нет, этот не проснется, хоть взрывпакет ему под койку засунь...

Митя... Землянин. Отверженный. Краткоживущий. Недочеловек, который по странному стечению обстоятельств стал одним из лучших его друзей.

Странное здесь, на Земле, представление о дружбе. Очень странное. Как можно считать другом человека, которого знаешь всего один миг – какие-то несколько десятков оборотов планеты вокруг своей оси... Нет, в его мире такое невысказано. Друг – это тот, кто прошел с тобой через столетия, с кем ты познал хотя бы один переход через Ступень, определяющую развитие духа – а ведь и такой переход случается далеко не со всеми. Земляне видимо тоже туманно понимают это: не зря ведь у них есть поговорка по поводу пуда соли, который надо съесть вместе с приятелем. Но все равно, все здесь несетя слишком быстро – к своему неизбежному и жестокому концу.

На плечо легла тяжелая ладонь. Гор оглянулся и увидел сонную, небритую физиономию Михея, взводного сержанта.

– Не спится, брат? Хочешь?

Михей протянул помятую фляжку.

Гор покачал головой.

– Ну, смотри, стрессы запускать нельзя, – покачал головой Михей. – После вчерашнего мы еще долго будем по ночам кричать...

– Кроме Мити, – глухо усмехнулся Гор. – Ему-то все нипочем...

– Ну, да, – Михей хохотнул, отхлебнул из фляжки. – Да ведь и за тобой особой сентиментальности я раньше не замечал...

Михей. Он не просто друг. Он – кровный брат. Тот, кто спас его от неминуемой гибели в коварной «зеленке», когда за него уже вовсю принялись небритые крепыши с зазубренными ножами – его явно хотели порезать на шаурму. Михей прыгнул прямо в эту свирепую толпу – с растопыренной ладонью перед собой, в которой подпрыгивала оставшаяся без чеки граната. Выглядело все очень убедительно: эти кровожадные ребята были не робкого десятка, но предпочли броситься в стороны. И выигранные секунды были обменены на ничего не стоящую жизнь Гора.

Это не просто риск. Это почти что самоубийство...

Во имя спасения его – Гора – жизни... Значит, эти краткоживущие тоже ценят жизнь? Как все странно. Странно и страшно...

Но еще вчера он не считал все это странным. Он был таким, как все – краткоживущим, всего лишь одним из них.

Гор посмотрел на Михея дикими глазами.

– Я ведь стрелял в людей, – пробормотал он. – Целился – и стрелял...

– И попадал, что характерно, – добавил Михей. – Что, с тобой, Гордей? Приснилось что-то?

– Меня зовут Гор, – стараясь говорить размеренно, произнес Гор. – Гор Дэй.

– Ну, – кивнул Михей и снова хлебнул своего пойла из фляги. – Это мы знаем, так же, как и твою фамилию...

– Дэй – это и есть моя фамилия, – упрямо продолжал Гор. – Правильнее – родовое имя...

– Как скажешь, Гордей, – согласился Михей. – Главное – постарайся уснуть. А то ведь завтра нам...

Михей странно хихикнул.

– ... снова, может, придется стрелять в людей. И лучше бы нам попадать точнее. Чтобы они потом вместо нас с тобой от бессонницы не мучились...

Он беззвучно рассмеялся, вразвалочку направляясь к своей койке.

Гор остался наедине со своими мыслями. Он должен был проанализировать ситуацию.

В нем одновременно жило два человека: он, настоящий, проснувшийся от тяжелого болезненного сна. И тот иной, квартирант его собственного тела, тот, кто еще вчера спокойно стрелял в себе подобных, только за то, что они прятались в «зеленке», носили бороды и норовили подстрелить исподтишка тебя самого, а еще лучше – пырнуть ножом или отрезать голову себе на потеху. Конечно, и в его мире есть люди, специально обученные убивать. Но ведь это особенные люди, выходцы из Линии Сильных, со специально откорректированной психикой. Они никогда не будут стрелять просто так и уж тем более – получать от этого удовольствие. Здесь же убить может каждый, кому в руки попало оружие.

Это и есть Земля – скорбная обитель короткоживущих. Планета безысходности со своими неизменными спутниками: болезнями, жестокостью и короткой, как чирк спички, жизнью.

Впрочем, сейчас должно волновать не это. Гора должна беспокоить собственная судьба. Ведь с каждой минутой он все больше и больше приближается к этим людям.

Он сам становится короткоживущим.

Уже появилось чувство, как душит местная атмосфера, словно специально созданная, чтобы активно сокращать человеческую жизнь. Уже ощущалось, как миллиарды чужеродных микроорганизмов проникают в тело через легкие, сквозь кожу...

Отвратительный ком подкатил к горлу. Гор захрипел, и, вскочив с койки, бросился наружу.

Его скрутило и вырвало. Было невыносимо мерзко, словно он купался в чане со слизняками, и те наполняли его рот, лезли глубже и глубже...

Снова вырвало. И стало, как ни странно, легче.

Тяжело дыша, огляделся вокруг.

В горах зарождался рассвет. Вон оно – местное светило, унылого желтого цвета, тускло подсвечивает из-за заснеженных гребней. Все знают, что есть такое страшное солнце, вокруг которого крутится планета для проклятых. Только не каждый сможет показать ее на звездных картах.

Ведь это место – одна из высших тайн Конгломерата...

Гор смотрел по сторонам и заново постигал картины местной жизни. Все вокруг вполне знакомо, привычно. Но только для ТОГО, человека без прошлого, который только что умер, освободив Гору принадлежащее тому по праву место.

Вот палатки, в которых досыпают последние часы солдаты. Вот хмурый часовой, что мельком равнодушно поглядывает в его сторону. Вот укрепленные, обложенные мешками с песком огневые точки и наполовину вкопанный в землю БМД. А вон, в туманной дымке, перевал, что кишит людьми, жаждущими его, Гора, смерти.

Странно... Внезапный приступ отвращения прошел, и местная атмосфера больше не душила. Хотя, если вспомнить запахи палатки, заполненной уставшими грязными людьми...

Нет, горный воздух чист и свеж. Почти, как дома, на Плацене.

А, может, все это – просто горячечный бред, вызванный переутомлением и стрессом? Может, нет никакой Плацены, нет Конгломерата, нет Нейлы...

Нет Нейлы...

Гор тяжело задышал, поднялся на ноги. Медленно, чуть пошатываясь, пошел вдоль периметра, мимо бруствера, за которым сонный часовой прятался от обманчивых горных красот.

– Эй, брат, – тихо сказал часовой. – Ты бы не маячил вот так, посреди лагеря. Неровен час – снимут из «оптики».

– Какая к черту «оптика», – машинально ответил Гор. – Такой туман на перевале...

– Ну-ну, – пожал плечами часовой и сунул в рот сигарету, при этом мельком окинув взглядом пространство за бруствером.

Гор медленно шел мимо палаток и пытался соотнести в сознании две несопоставимые действительности.

Как вышло, что он, оказавшись на этой планете, не потерял навсегда память – так, как это установлено Статутом и его приговором? И как вышло, что он теперь – какая насмешка судьбы! – сам стал одним из тех, кем пугают детей в его родном, непростом и не столь благополучном, но совершенно другом мире?

Он сел на сухую, жесткую, как камень землю, и начал методичную ревизию туманных обрывков памяти...

Вот зачитывают приговор, и он стоит, потрясенный, не в силах сдвинуться с места.

Вот его уводят конвоиры-Мусорщики. Ведут спокойно, беззлобно – ведь исполнять приговоры для Мусорщика – просто работа. Точнее – призвание, передаваемое из поколения в поколение, точно так же, как Гору передалось в свое время призвание Мима...

Вот его кладут в транспортировочную капсулу и закрывают массивную, как у гроба, крышку.

Все. Осталось только сжать зубы – и тихо посмеяться, представив себе разочарование Трибунала и всех тех, кто желал долгой и мучительной расправы над ним, жалким никчемным Мимом...

Следом – туман, бессмысленные островки воспоминаний, после которых начинается новая, независимая линия памяти.

...Белый потолок, тусклая, неровная краска стен. Неудобная кровать. Усталые лица людей в белых одеждах. Запахи больницы, туалетов и больничной еды.

Заботливое лицо какой-то женщины в белой шапочке. За ним ухаживают, словно за новорожденным.

И слово, которое в его присутствии столь часто повторяли врачи.

«Амнезия».

Вот оно, значит, как делается... Всевидящий Сервер, как все пошло...

...Потом везут куда-то. Кто-то возится с ним, обучая необходимому, восстанавливая забытые навыки речи.

Странно. Язык, вроде, чужой, но он все понимает, как будто общается на едином – главном языке Конгломерата. Он заново учится говорить.

– Как тебя зовут?

Из туманных лоскутов памяти всплывает почти чужое имя.

– Гор... Гор Дэй...

– Гордей, значит... А фамилия?

Никакой такой «фамилии» в памяти нет. Все, лимит воспоминаний исчерпан.

Навязчивое ощущение – будто за его жизнью кто-то следит. Точнее – небрежно присматривает, не давая совершить какой-либо непоправимой глупости. Но и не особо заботясь о его судьбе.

...Жизнь в тесной грязной комнате, тяжелая работа на каком-то вокзале.

Привычка.

Мерзкие компании бездомных отморозков. Жестокая борьба за случайные приработки. Дележ скудных заработков. Выпивка. Драки, приводы в милицию. Проверка документов.

У него нет никаких документов. Он по-прежнему не помнит, кто он и откуда.

И снова появляется этот кто-то, быстро решает вопрос с паспортом и дает стоящий совет. И Гордей идет в военкомат. Удивительно, как быстро здесь принимают на службу по контракту.

Служба идет легко. Учебка, строевая подготовка, полное подчинение приказам командира. Это – сродни игре, которой радуется уставшее по нормальному движению тело, а мозг, наконец, отключается, как ненужный инструмент.

Гордей странным образом находит покой в этой суетливой солдатской жизни. Потому что голова постепенно наполняется конкретной, не требующей дополнительного толкования информацией.

Все, что от него требуется – исполнение приказов. И Гордей четко следует этому принципу, находя в подчинении старшему по званию сакральный смысл и абсолютную ценность.

Он стреляет в людей. Потому что таков приказ. И сердце при этом бьется ровно, и совесть совершенно спокойна: по ту сторону враги, которые точно также могут подстрелить и его самого.

Все четко, ясно и не требует никаких объяснений.

Так было до сегодняшней ночи.

Вот, значит, как оно бывает – на этой Земле! Его, преступника, просто смешивают с местной человеческой грязью, не особо заботясь о его дальнейшей судьбе...

Но ведь был еще этот «кто-то»... Надо полагать, тот, кто контролирует исполнение наказания...

Гор напряг память, пытаясь вспомнить лицо своего «протезе». Не смог.

...Рассвет наступал со стороны перевала, и, словно приветствуя появление светила, со стороны таящей туманной завесы послышались одиночные выстрелы.

– Ну, вот, началось в колхозе утро... – задумчиво сказал Гор и сам себе удивился: подавленность, принесенная внезапным возвращением памяти, ушла вместе с ночной темнотой.

Он поднялся и направился к палатке, чтобы не прозевать утреннюю поверку – мероприятие в полевых условиях не столько формальное, сколько статистическое: командирам небезынтересно знать число оставшихся к утру бойцов. Ведь в этой местности из всех математических знаков основным является «минус», а главные числа в отчетах – количество потерь за истекший период времени.

«Странно, – думал Гор, уже лежа на койке, разглядывая рваную дырку от шальной пули в грязном брезенте. – Я спокойно рассуждаю об убийствах, словно для меня это действительно стало обыкновенной статистикой. Или, действительно, стало?»

Между тем, место отвращения и страха в душе заняло недоумение.

Да, он на Земле, планете-преисподней, в месте, из которого нет выхода.

Да, он уже подвергнулся губительному воздействию атмосферы этой планеты.

Но почему же тогда он больше не ощущает того ужаса, который, по заверениям всех, с кем он когда-либо говорил об этом, должен сопровождать здесь повсюду? Почему окружающая природа кажется вполне сносной, а люди – хоть и далекими от идеала, но, все же, отнюдь не мучениками адского пекла?

...Поразмышлять над этими глобальными вопросами не дали. В палатку тяжелым шагом вошел лейтенант. Был он крепок, коренаст, а загорелое, бритое лицо с крупными, но мягкими чертами внушало уважение и доверие.

– А ну, хлопцы, подъем! – негромко, совершенно не приказным тоном сказал он. – И побыстрее давайте: поступил новый приказ, пора приступать к исполнению.

Здесь не принято восклицать командным голосом, словно на плацу. Здесь просто работали и ценили подчиненных, каждый из которых в любую минуту мог уберечь тебя от смерти. Конечно, если ты стоящий человек, а не трусливый мясник...

Не открывая глаз, словно повинуюсь программе, бойцы полезли с коек прямо в многослойный камуфляж и тяжелые ботинки.

«Как змеи, которые сбрасывают шкуру. Только эти наоборот – натягивают ее» – подумал Гор. Хмыкнул. Настроение снова вернулось к нему.

– Чему радуешься, Балагур? – хмуро поинтересовался лейтенант. – Сейчас проверим снаряжение – и снова полезем к черту в задницу. Там ты у нас побалагуришь...

Балагуром Гора прозвали еще в учебке. Видимо, за постоянную, неистребимую склонность к ерничеству, которая лезла из него даже в самые неподходящие моменты. Надо полагать, наследственность настоящего Мима не убить никакой амнезией.

Впрочем, последние несколько часов природное остроумие давало ощутимый сбой.

– Да я не радуюсь, лейтенант, – не переставая улыбаться, ответил Гор. – Просто погода хорошая. Жаль, что там, у черта в этой самой, полно тумана. И самое обидное: туман-то скоро выветрится, но «зеленка» останется...

– Заладил... – усмехнулся лейтенант. – Все, кончаем разговоры! Выходи строиться...

Гор все еще улыбался, но где-то внутри уже включилась программа отторжения всего окружающего. Гор привычно взял в руки автомат, но глаза его, глядящие на оружие, теперь отражали брезгливость и страх – словно было это не холодное равнодушное железо, а зловонная тварь, питающаяся падалью.

С того момента, как к Гору вернулось подлинное «Я», он не мог больше оставаться рядом с людьми, которые считали убийство рутинной, но вполне приемлемой работой.

Нет, он не считал тех же Михея или Митю грязными тварями, убийцами, которым, действительно, место лишь на проклятой древними планете. Он смутно чувствовал, что рожденное краткоживущим, не имеющим надежды на здоровую и полноценную жизнь, существо должно ощущать жизнь совсем не так, как он, наивно полагавший что у него впереди, по крайней мере, восемьсот этих местных, земных лет, лет, наполненных событиями, смыслом, целями и желаниями...

Гор судорожно сглотнул: снова подумалось – как стремительно вытекают из него жизненные силы, высасываемые ядовитой атмосферой, пожираемые микроскопическими паразитами, пропитывающими здесь все – и землю, и воду, и еду, и воздух... Сделал над собой усилие... и тихо рассмеялся.

Миму не подобает унывать. Даже идя на смерть. Ведь он – истинный Мим. Он должен играть до конца. Правда, он не придумал еще себе ту новую роль, которую придется играть здесь, на планете, которой отведена роль могилы для погребенных заживо.

Гор играл в своей жизни самые разные роли. Конечно, он слишком молод – ему далеко еще до мастерства опытных и действительно талантливых Мимов. На то, чтобы овладеть всеми секретами, ушло бы время, за которое на Земле сменится не одно поколение. И теперь у него этого времени нет. Так что придется быть самим собой: одаренным, но довольно поверхностным Мимом...

Шли по лесу плотной группой, след в след, настороженно вслушиваясь в обманчивую тишину вцепившегося в склон леса. Задание стандартное: найти и уничтожить. Либо навести на цель авиацию. То самое, против чего выступало все существо Гора. Он не мог, не хотел делать всего этого.

И, следовательно – делать не будет.

Вот здесь, за ложбинкой, рядом с густым кустарником, он сыграет свою первую на этой планете роль. Роль незначительную, эпизодическую, но от того не менее значимую. Конечно, и это не просто – ведь он движется в середине цепочки внимательных, обвешанных оружием людей...

– О... Черт... Эй, Балагур, ты чего? Эй, ты где?

Митя недоуменно моргал большими светлыми глазами. Он поудобнее перехватил пулемет и перешел на бег, догнав идущего впереди бойца. Похлопал того по плечу, обеспокоено пробормотал:

– Гордей куда-то пропал... Не пойму, Михей, он ведь прямо за тобой шел...

– Ну, глаз на спине у меня нет, – недовольно отозвался Михей и вдруг напрягся. – Погоди... Как это – пропал?!

– Стой! – негромко приказал быстро подошедший лейтенант. Взвод послушно замер. – Что за разговоры? Был приказ – двигаться тихо!..

– Гордей куда-то делся, – озабоченно сказал Михей. Передернул затвор автомата, и принялся всматриваться в глубину леса.

– Что значит – куда-то делся? – нахмурился лейтенант. – А ну, вы, двое – давайте, пошарьте вокруг по-быстрому. Только внимательнее! Остальным – занять оборону!

– Думаете – «духи»? – спросил кто-то.

– Все может быть, – мрачно отозвался лейтенант.

– Вот его автомат! – сделав пару шагов в сторону, сдавленно выдохнул Михей. – И рюкзак. А его самого нет...

...А Гор стоял неподвижно, в совершенно нечеловеческой позе, и внутренне хохотал от счастья.

Ведь он снова свободен! Он снова стал самим собой! И эта маленькая роль – первая роль в его новой жизни – сыграна блестяще...

...А недоумевающие и напряженные бойцы с тревогой ходили кругами, совершенно не замечая странное корявое дерево с человеческой улыбкой...

Его сбросили на город с неба.

Как бомбу.

Сменив курс, бомбардировщик врубил форсаж и растворился в небе.

Город не заметил бомбардировки. Так часто бывает, что больной не замечает подкраившейся тайком болезни. Он еще доволен жизнью, у него прекрасный сон и аппетит. Но болезнь уже внутри, и беспечный иммунитет постыдно проглядел опасность.

...Он любил такие задания – те, в которых результат зависел только от него одного. Ведь это так сладко – дергать за ниточки судеб тысяч и тысяч людей, которым нечего противопоставить навыкам опытного Поджигателя.

Конечно, можно войти в город через Туннель. Но, находясь в продолжительной миссии, Поджигатель предпочитал пользоваться местными средствами. Ведь настоящая охота интересна только тогда, когда ты со зверем на равных. Почти на равных...

Здесь, на Земле, работа таит в себе многочисленные угрозы – но и доставляет немало сладких минут. Надо только не забывать о биологической безопасности – ведь глядя на землян, можно подумать, что с ними все благополучно, что они – такие же существа, как и он.

Но это далеко не так.

Земляне – короткоживущие. Человеческая слизь. Подопытный материал с высоким оборотом – как мушки-дрозофилы у местных ученых. А потому не стоит следовать их участи и отключать невидимые защитные оболочки – те, что гарантируют ему, уроженцу гордой Сильной Линии две-три тысячи лет жизни.

Просто удивительно, как в такой короткий срок местные умудряются втиснуть собственные жизненные планы и даже временами реализовать их! Конечно, что это за планы – даже говорить смешно... Но ведь Созерцатели не зря столь пристально наблюдают за этим поганым миром. Они-то точно знают, что делают. И раз с этой планетой все еще носятся, как с неким сокровищем, значит, определенную ценность она представляет не только для него.

Для Поджигателя эта планета – великолепный полигон для отработки собственных навыков в реальных условиях. Работа Поджигателя очень тонка – и тем более удивляет разрушительность ее результатов. Это, как умелый щелчок зажигалкой: чирк! – и в целом регионе ни с того ни с сего вдруг вспыхивает яростный конфликт, перерастающий по необходимости в локальную или полномасштабную войну – в зависимости от того, что потребуется Созерцателям или их слугам – Эстетам. Для неких научных наблюдений, недоступных для понимания простого воина.

Линия Сильных не производит на свет интеллектуалов-теоретиков. Она рождает смелых и расчетливых бойцов.

...Поджигатель неторопливо шел по ночной улице. Где-то в этом городе скрывался вышедший из-под контроля Обреченный. Случай редкий, но далеко не единичный. Ведь практика и реалии земной жизни сильно отличаются от декларируемых в общепризнанной версии. Впрочем, планета-хоспис мало интересует жителей Конгломерата. И думать о ней начинают лишь тогда, когда над каким-нибудь неудачником нависает угроза крайней меры Воздаяния. Одного из них и предстоит разыскать сейчас в этом городе.

Вообще-то, это дело Мусорщиков – низшей ветви Сильной Линии. Но у Поджигателя свои планы. И он взял это дело на себя. Здесь, в глуши, вдали от Метрополии, установленное Догмами строгое разделение функций теряет свою стройность.

...В темном конце квартала, под разбитыми фонарями он заметил группу подростков на маленьких дешевых скутерах. Видимо, это было сборище по интересам – своеобразный байкерский клуб тех, кто не в состоянии купить себе полноценный мотоцикл. Подростки курили, пили пиво и нарочито мерзко хохотали. Вот они – подлинные хозяева этого душного мира.

Поджигатель ощутил сладкое предвкушение. Трудно пройти мимо такого маленького, но очень симпатичного Очага. А потому замедлил шаг и приблизился к урчащей и чадающей бензиновыми выхлопами и жженым маслом компании. Медленно осмотрел этих молодых зверьков, которые незамедлительно уперлись в него подозрительными и насмешливыми взглядами.

– Чего надо? – набычился один, крепко сбитый, выбритый наголо – явно любитель подраться.

Это хорошо. Очень хорошо.

– Чего уставился, дядя? – мерзким голосом спросил другой – прыщавый, худой и наглый, напротив, заросший длинными грязными волосами. – Давай, не маячь перед глазами, проходи мимо...

– Привет, ребята, – вкрадчиво сказал Поджигатель. – Я тоже люблю такие шустрые аппараты. У моего сына такой же...

– Ну и что? – зевнул кто-то.

– А то, что у него – тусовка, как тусовка, – скривившись, сказал Поджигатель. – Все одинаковые: и шмотки подобраны один к одному, и эмблема общая, и если уж стричься коротко – то всем вместе. Тогда это – сила! А у вас, смотрю – и серьезные ребята есть...

Он приветливо улыбнулся бритоголовому.

... – и всякая шваль, вроде этого панка...

Он небрежно указал на длинноволосого.

... – и вообще – нерусские какие-то среди вас затесались... Ну и сборище, смотреть противно...

Он презрительно кивнул на смуглого курчавого паренька, который немедленно вспыхнул, сжав кулаки.

– Да шел бы ты отсюда, козел! – крикнул курчавый.

– Дядя, ты чего – давно в рыло не получал? – поинтересовался кто-то хрипловатым голосом.

– Да все, уйду уже, – примирительно сказал Поджигатель и, удалясь, бросил код-искру, – Вы бы уж как-то разобрались между собой...

Отойдя всего на несколько шагов, с удовлетворением услышал за спиной вопли и ругань, следом – грохот опрокидываемых мотороллеров, характерный фон уличной драки. Поджигатель не мог отказать себе в удовольствии обернуться и понаблюдать за тем, как бритоголовый отвешивал тяжелые удары смуглому парню, ну а затем – как валяли по земле самого бритоголового, меня его десятками ног – неумело, зато с искренней и неподдельной жестокостью...

Очаг маленький, но очень горячий. Через пару дней конфликтом будет охвачено несколько кварталов. До смертоубийства, может, и не дойдет, но зубов и ребер будет пересчитано немало.

Поджигатель любил подтверждать себе собственную квалификацию.

В хорошем настроении, достал из кармана куртки тяжелую металлическую пластину. Для землянина это просто кусок подернутого ржавчиной железа. Для Поджигателя же – универсальный навигационный прибор – панель образов. Которая, между прочим, показывала непосредственную близость цели, стандартно помеченной в момент отправки на место Воздаяния.

Поджигатель прибавил хода и вскоре вышел в сквер, обильно освещенный причудливыми фонарями, до которых не дошли еще беспокойные руки малолетней шпаны. Играла музыка – рядом был ресторан с летней верандой. Становилось довольно прохладно, и за столиками на воздухе народу было немного.

Оставалось только найти эту беглую слизь, что по уверениям прибора, находилась прямо здесь.

Странно, но Поджигатель не видел Обреченного. Он должен был находиться тут – но его не было.

– Неугомонный Мим... – растерянно процедил сквозь зубы Поджигатель. – Ну, посмотрим, что ты скажешь на это...

Гор шел по разбитой асфальтовой дороге, все больше и больше удаляясь от мест, где стрельба по живым мишеням была нормальным будничным делом. Шел – и с любопытством оглядывал окрестности. Все это он уже видел, находясь в шкуре простодушного парня по имени Гордей и прилипчивому прозвищу Балагур. Но теперь он смотрел на мир взглядом совершенно другого человека – Обреченного, присланного сюда доживать свой быстро сжимающийся, как высыхающая лужа, век.

Нельзя сказать, что вокруг все выглядело слишком уж благополучным. Но ведь и на родной Плацене хватало бедности, безысходности и страха. С поправкой на несоизмеримо более продолжительную жизнь и множество других вещей, которые, можно не брать в расчет, когда рассуждаешь о столь абстрактных понятиях.

Люди выглядят здесь так же, как и в нормальных мирах. И если сельская местность еще вызывает жалость и некоторую брезгливость, то, войдя в черту города, Гор с удивлением осознал, что эти короткоживущие в целом выглядят вполне довольными собственной участью.

Это было странно, даже страшновато, и выходило за пределы представлений Гора о норме. Это похоже на равнодушие скота, который ведут на бойню. Конечно, скот не осознает, какая участь ему грозит. Но ведь, если Гор бросится к этим людям и примется горячечно убеждать, что им осталось жить лет пятьдесят-семьдесят, и это еще в лучшем случае – его попросту не поймут!

Потому что понятие «нормы» очень относительно. И здесь, на Земле, эта норма чудовищна.

...Гор потрянул головой, усмехнулся: у него есть универсальное лекарство от всех страхов. Это любимые инструменты каждого Мима – самоирония и послушный, готовый в любую секунду сорваться с кончика языка, смех.

Что ж, он на Земле. Он быстро превращается в короткоживущего. Да, это малопривлекательно. Ну и что же?

Странно, но все оказалось не так уж и страшно. Да, у него появились некоторые неприятные ощущения, которых не было раньше. Однажды он простудился и несколько дней харкал какой-то отвратительной слизью, которая лезла через рот, через нос, наполняла легкие... Но он выздоровел – и с теперью усмешкой вспоминает об этом.

Все-таки, раньше свою участь он представлял куда как в более ужасном свете. И теперь даже благодарен Нейле за то, что она «подвела» его таким странным образом...

Гора вдруг обдало холодной волной, и он остановился.

Нейла... Ее отец – из Мудрой Линии. Эстет, элита. Он мог многое знать. И кое-что могла узнать от него сама Нейла и... спасти его?!

Гор задышал глубоко и часто. Неужто его внезапное прозрение – это и есть тот самый спасительный шанс?!

Мысли вновь принялись выписывать хаотичные хоромы, отказываясь укладываться в положенные им логические ячейки. Надо просто выждать – и понимание придет само...

Впрочем, надеяться на это неправильно. Надо вырваться отсюда любой ценой, найти Нейлу и узнать у нее правду.

Найти Нейлу... Само по себе это кажется совершенно безумным замыслом. Снова лезть в глотку зверю, едва выбравшись из его пасти?

Да полно – выбрался ли он? Он всего лишь осознал необходимость выбраться – и не больше! Что он знает о том, как устроен механизм отправки Обреченных на эту планету? Как ее посещают те, кому это позволено? Как найти их – и не оказаться при этом в ловушке?..

К множеству неразрешимых вопросов добавился еще один: вопрос голода. Гор не ел почти сутки – с момента бегства из части. Более того – прямо с секретного задания...

Черт возьми, да ведь он – самый настоящий дезертир! Выходит, теперь он преступник не только в глазах собственного мира, но и мира этого! Как же он не подумал, отдавшись этому спонтанному чувству, нахлынувшему, как бурный поток, смывший нормальную рассудительность, бросивший в объятия эмоций! Да, это было бы уместно в какой-нибудь мимической постановке, но никак не при планировании бегства...

Хотя – разве он что-то планировал? Планирование – это не самая сильная его сторона. Его верная союзница – импровизация. Остается надеяться, что и она не перешла на сторону врага.

Гор усмехнулся: он уже говорит об окружающих, как о врагах! Но разве у Мима могут быть враги? Ведь даже в собственном приговоре он не вправе винить кого бы то ни было, кроме самого себя! Просто не надо было переступать черту, Линию, к которой принадлежала та, в которую он столь неосторожно влюбился.

Душа Мима тонка – он может влюбиться и в девушку из высшей Линии, и в какую-нибудь богиню из сонма святых забытых Сервером планет. Может – но должен оставить эти чувства в себе. Растворить их, превратив в страдания – с тем, чтобы страдания помогли духовному росту, развитию мимических навыков, постижению секретов мастерства...

Проклятье! Когда он думает о Нейле – плевать ему на постижение любых секретов, кроме тех, которые таит в себе любимая женщина...

...Гор вздохнул и помотал головой, избавляясь от наваждения. Голод – вот главная проблема. Актуальная и насущная. Именно ее придется решить в первую очередь.

Конечно, можно ловко сыграть какую-нибудь простенькую роль, с тем, чтобы в легко и незамысловато присвоить себе немного еды в каком-либо магазинчике. Ирония в том, что он, Мим, не может использовать свои способности в преступных целях – тех, что способны навредить другим. Он не может просто украсть. Это также заложено в его наследственности, как и сами способности.

Но он может вызвать у людей желание одарить его – например, за поднятое настроение, подаренные им радость и смех. Но на это требуется время. Для этого нужен повод, и его игра должна быть уместной.

А ведь нужны еще силы и особенный настрой...

А он – беглец в форме незаконно оставленной воинской части...

Словно читая его мысли, из ближайшего переулка показался военный патруль. И офицер заметил его.

– Рядовой, стойте! – зычно приказал он, и двое сопровождавших его солдат заметно напряглись. – Проверка документов!

У Гора не оставалось ни малейших сомнений, что ищут именно его.

На этот раз он не стал испытывать судьбу мимическими приемами маскировки. Он просто бросился наутек. Сзади раздались свирепые крики. Нет сомнений – скоро район будет оцеплен, и за него возьмутся покрепче. Впрочем, Гор также не сомневался и в том, что легко пройдет сквозь оцепление, как вода просачивается сквозь тонкое сито.

Ведь здесь, на Земле его противники – это совсем не люди. А голод, болезни и безнадежно утекающее время...

Вскоре новое чувство заставило его прекратить бег. Это было чувство опасности. Но не то, что исходило от землян в военной форме. Это было чувство НАСТОЯЩЕЙ опасности. Той, против которой бессильны его мимические навыки.

Это чувство он уже испытал однажды – когда за ним пришли... Тогда, на Плацене, он впервые столкнулся лицом к лицу с Мусорщиками. И испытал ужас.

Что-то похожее происходило и сейчас. Гор замер и буквально «вплыл» в новую роль...

– Неугомонный Мим! – донеслось до Гора. – Ну, посмотрим, что ты скажешь вот на это...

Гор краем того, что только что стало теперь его глазом, увидел силуэт крепкого мужчины, что смотрел сквозь него невидящими злыми глазами. Человек поднял руку: в ладони что-то светилось, и отблески «этого» бледно осветили черты его лица.

Следом пришла боль. Короткая, но настолько резкая, что Гор на миг потерял ощущение собственного «Я».

Когда он пришел в себя – то понял, что сидит на скамейке в скупо освещенном сквере, и за плечо его придерживает тот же странный незнакомец. Другой рукой он прятал в карман маленький предмет – похоже какое-то оружие. Какое именно – Гор не смог бы сказать. Он не был силен в знании оружия. Этого не полагается Миму из Грязной Линии.

– Ну, надо же, – усмехнулся человек. – Никогда не думал, что можно вот так запросто прикинуться кучей опавших листьев! Наверное, ТАМ ты был хорошим Мимом!

– Ну, почему же – был? – пробормотал Гор.

Человек тихо рассмеялся. Не тем смехом, который Мим любил слышать от своих зрителей. Совершенно чуждым смехом, в котором и от смеха-то было не много: лишь оскал и мелкие содрогания тела.

– Как это – почему? – бросил незнакомец. – О тебе вообще можно говорить лишь в прошедшем времени. Ты Обреченный – а значит, тебя просто не существует...

– Но я есть, – тихо сказал Гор. – Пойдите... Вы – из миров Конгломерата? Вы – Мусорщик?

Человек брезгливо скривился.

– Ну, почему сразу – Мусорщик? – сказал он. – Нас, Сильных, на Земле немало. Наверное, ты уже понял, что эта планета не так проста, как тебе казалось до этого, верно? Земля – не только Точка невозвращения. Это еще и многое другое... Кстати, то, что я говорю тебе – тайна для непосвященных. И знаешь, почему я так спокойно делюсь с тобой этой тайной?

– Почему? – угрюмо спросил Гор.

Он уже знал ответ.

– Потому что ты давно уже мертв, – с удовольствием произнес незнакомец. – Мертвецы не выдают тайн.

– И вы нашли меня, чтобы ни у кого не оставалось сомнений в этом... – произнес Гор спокойно.

Страх медленно улечивался. Взамен приходило новое, неуловимое пока чувство, которому Гор все еще не был готов дать определение.

– А сомнений ни у кого и нет, – пожал плечами человек.

Он отпустил Гора и теперь со сдержанным интересом рассматривал его. Словно прикидывал на глазок цену его жизни.

– Я могу убить тебя в любой момент, – сказал человек. – И сделаю это, не колеблясь – если ты поведешь себя неправильно. Например – решишь притвориться фонарным столбом или навозной кучей...

– Меня нельзя так просто убить, – возразил Гор, и почувствовал, что принялся дерзить свирепому хищнику. – Это противоречит Статуту. Я отправлен сюда по Воздаянию Высокого Трибунала. Это и есть моя смерть...

– Воздаяние... – рассмеялся человек. – Неужто ты думаешь, что Высокие Судьи спустятся сюда, на эту помойку, проверять соблюдение формальностей? Здесь я – и Трибунал, и Мусорщик. И тот, кто в состоянии ускорить твою затянувшуюся смерть, если сочтет нужным...

Гор внутренне сжался.

Этот человек нес ересь. За каждое слово, произнесенное сейчас, он должен был последовать как минимум, его, Гора, участи! Или что там положено выходцам из Линии Сильных? Но он не боялся, говорил спокойно, буднично, словно не было в нем Внутреннего Статута, который должен оповещать Сервер о каждом нарушении. И это – человек Сильной Линии – самой дисциплинированной и законопослушной, как принято считать в мирах Конгломерата...

– Неужели ты еще способен удивляться? – оглядывая Гора, поинтересовался человек. – И это после всего того, что с тобой сделали Судьи? Вижу, что не ошибся в своем выборе...

– О чем вы? – пробормотал Гор.

– Понимаешь, приятель, – довольно развязно произнес человек. – Жизнь на этой планете учит многому. Скоро и ты поймешь, о чем я говорю. Если, конечно, мне не придется убить тебя...

– А что, – осторожно спросил Гор, – это часто бывает, что к Обреченным возвращается память?

– Не столь часто, но случается, – небрежно сказал незнакомец. – Все пытаются обмануть смерть. Только какая разница – если Обреченный все равно остается в Точке невозвращения? Кого-то приходится ускорять. А кто-то слушает добрый совет – и остаток жизни проводит не хуже любого местного. Конечно, никто не собирается избавлять такого счастливчика от необходимости умереть в отмеренный этой планетой срок. Но это, все-таки, жизнь. Короткая – но жизнь...

Человек внимательно смотрел на Гора, словно выискивал реакцию на свои слова. Гор умел владеть эмоциями, а потаенное чувство приказывало ему держать себя в руках до поры до времени.

Сейчас его посетило давно забытое ощущение: ему казалось, что он, совсем маленький, заглядывает за кулисы бродячего театра, туда, где Мимы готовятся к предстоящему представлению. И то, что он видит за пыльными выцветшими складками кулис, наполняет его страхом, недоумением и разочарованием. Все это раз и навсегда лишает ожидаемое зрелище того ореола волшебства, на которое способны великие мастера сцены – представшие перед ним без грима, с кислыми будничными минами.

Он смотрит за кулисы – и нарушает главное правило этого мира. Теперь он не может быть просто зрителем.

Теперь он должен играть сам...

... – Я так и не представился, – криво улыбнулся человек. – А это не просто невежливо – это неудобно. У тебя нет идентификатора Линий – здесь он не нужен. Но ты должен знать, с кем имеешь дело. Я Рогги Бур, первое звено Линии Сильных. Мое местное имя не имеет значения...

– Очень приятно, – усмехнулся Гор и протянул руку. – Гор Дэй, Мим восходящего уровня...

Рогги Бур недоуменно и безразлично посмотрел на протянутую руку.

– По-моему, ты забываешься, Обреченный, – презрительно сказал он. – Уж не думаешь ли ты, что я, Поджигатель из славной ветви Линии Сильных, опущусь до того, чтобы прикоснуться к Обреченному, да еще и Миму в придачу? Коснуться тебя мимолетом может лишь мой кулак. Ты этого хочешь?

Гор криво улыбнулся и убрал руку.

Что ж, все на своих местах. Это не радовало, но и не огорчало.

Надо же – Поджигатель. Элита Сильной Линии. Интеллектуальный спецназ, джокер в колоде армии любого из Миров. Что здесь делать Поджигателю? На этой помойке, в лепрозории, приюте для убогих?

– Чего вы от меня хотите? – спросил Гор.

– Правильно поставленный вопрос, – кивнул Поджигатель. – Ты будешь работать на меня. Выполнять кое-какие поручения. У меня уже есть несколько «прозревших» Обреченных. Вот только до сих пор не встречалось ни одного Мима. Видимо, бог услышал мои молитвы, раз послал тебя ко мне...

– Вы верите в высшие силы?! – поразился Гор. – Это же...

– Знаю, знаю, – оскалился Рогги Бур, – это еще одно преступление. Только я ведь и так в Точке невозвращения, верно?

Он рассмеялся тем же неприятным смехом.

Перед Гором действительно был человек чуждых ему морали и мироощущения. Не зря в Конгломерате принято столь строгое разделение по Линиям, что определяют судьбу человека. Этот Рогги Бур был абсолютно чужим – более чуждым, чем любой землянин из примитивного аморфного общества, не знающего утонченной Линейной Структуры.

Гор немедленно усомнился, что такой человек может верить во что-то, кроме оружия и грубой силы.

– Я не знаю, чем может помочь Поджигателю обыкновенный Мим, – развел руками Гор. – Я никогда не брал в руки оружия, я...

Гор осекся, наткнувшись на колкий взгляд Поджигателя.

– А вот ты и солгал, Мим, – процедил Рогги Бур. – Ты брал в руки оружие. И теперь ты неплохо владеешь им. Как ты полагаешь – это случайность?

– Не понимаю...

– И сейчас ты лжешь. Ты все прекрасно понимаешь. Какие случайности могут происходить с Обреченным, лишенным свободы выбрать свой путь?

У Гора перехватило дыхание. Неужели...

– Ты должен был научиться убивать. И ты научился, – констатировал Поджигатель. – Конечно, тебе далеко даже до младенца из Линии Сильных. Но такого мастерства от тебя и не требуется. Ведь устранять ты будешь только местных дохляков.

– Как... Как это – устранять? – сбивчиво забормотал Гор. – Зачем?

– Затем, что очистка популяции от ненужных экземпляров – часть проводимой здесь нами работы, – терпеливо объяснил Рогги Бур. – Не тебе это обсуждать и даже не мне. Впрочем, большую ставку я делаю на твои способности Мима. Они понадобятся для реализации кое-каких задач...

И тут Гор понял, что за чувство зрело в нем все это время. Он закрыл глаза, снова открыл – и узрел своего собеседника совершенно новым взглядом.

Это ново ощущение было чувством свободы.

То, что почти убили в нем сторожевые устройства Мусорщиков и цепкое, удушливое, подавляющее волю поле Арены Правосудия. То, что пряталось где-то в глубинах сознания, пока телом владел недалекий парень по прозвищу Балагур. То, без чего не может жить настоящее искусство – а, значит, и Мим не может быть тем, кем ему предназначено.

Ощувив прилив новых сил, Гор рассмеялся.

– Тебя так радует мое предложение? – сухо спросил Рогги Бур.

– Нет, – ответил Гор. – Меня смешит то, что вы, человек Сильной Линии, по сути, ничем не отличаетесь от меня – Обреченного, случайно обретшего свободу...

– Свободу? – удивленно произнес Рогги Бур и взглянул на Гора, как смотрят на помутившихся рассудком. – Ты заблуждаешься, Мим! У тебя нет ни мизинца свободы. И если ты хочешь, чтобы я доказал это...

– Я свободен хотя бы в том, что могу сделать выбор, обдумывая ваше предложение, – произнес Гор, насмешливо рассматривая Поджигателя. – А вы не властны даже убраться с этой помойки, как сами же и назвали эту планету. Ведь Сильными всегда правит один лишь Приказ, верно?

– Так что ты выбрал, Мим? – спокойно спросил Поджигатель, но Гор заметил в его зрачках огоньки ненависти.

– Я выбираю... – медленно произнес Гор.

И тихонько соскользнул в туманный Мир образов.

Это детское упражнение Мимов – когда те не могут еще владеть своими эмоциями и телом с тем, чтобы играть настоящие роли. Мир образов – особое текучее состояние, когда Мим еще не нашел свою конкретную роль, но уже покинул состояние обыденности. Главная достоинство этого упражнения – быстрый и неожиданный переход – словно игра в прятки. Попробуй, ухвати маленького Мима, поймай его на каком-то случайно узнанном образе! Куда там...

Видимо, вместе с ощущением свободы к Гору вернулось и его неистребимая склонность к необдуманному поступкам – то, из-за чего он, по сути, и пострадал. Нельзя было забывать, что его собеседник – умный и хитрый боец – он отлично осведомлен о способностях Мимов. И через секунду Гор убедился в этом.

...Он корчился от боли, лежа на пыльной тротуарной плитке, а над ним, презрительно ухмыляясь, стоял Поджигатель. Теперь в его руках, подсвеченный бледным свечением фонарей, сверкал металл. Солдат Гордей, живший в его теле, прекрасно знал эту штуку: ему не раз приходилось держать в руке точно такой же десантный нож. Только зачем он Поджигателю? У Сильных полно куда более эффективных орудий убийства...

– Я же тебя предупреждал, грязный Мим: оставь свои штучки для простаков! В общем, как я понимаю, мое предложение тебе не по душе. Что ж, уговаривать я не привык. Может, ты сделаешь еще один выбор: как лучше прикончить тебя – перерезать горло или вспороть твоё тухлое брюхо?

Поджигатель ловко перехватил нож лезвием к себе. Он любил такое грубое варварское оружие. Здорово, что на Земле никому из руководства не приходит в голову контролировать соблюдение ханжеских принципов гуманности...

Гор медленно поднялся на ноги. Рогги Бур не мешал ему: Поджигатель был совершенно уверен в собственных силах.

Только здесь он допустил ошибку.

Урожденные Сильные умели убивать. За многотысячелетнюю историю своей Линии они продвинулись далеко в искусстве войны, тактики, стратегии, разведки, интеллектуального саботажа. Но, как водится, данное обстоятельство имело и свою обратную сторону.

Сильные презирали искусство. Может, потому Поджигатель не знал одного маленького секрета странствующих Мимов, который не раз спасал жизнь многим из них. Секрет этот не особо распространялся за пределы мимических родов: дело в том, что каждый столкнувшийся с ним, уже не мог ничего никому рассказать.

Мим не может убить. Это противоречит устройству его души. Но Мим слишком часто играет смерть и убийство. Ведь что еще заставляет биться чаще сердца благодарных зрителей? Только любовь и смерть. Без смерти нет трагедии, без трагедии нет искусства...

И настоящий Мим каждый раз любит и умирает на сцене по-настоящему. Почти.

У этого умения тоже есть обратная сторона. Надо только очень верить в тот образ, который ты надел на себя, словно очередную маску...

Поджигатель сделал шаг в сторону жертвы, для пушного эффекта ловко перебрасывая нож из руки в руку. И замер в изумлении: навстречу ему шагнуло его собственное отражение! Такое же решительное, ловкое в движениях, предвкушающее скорую расправу над... Над кем?

– Ты, что Мим, играть со мной вздумал?! – прохрипел Поджигатель и, резко выдохнув, бросился на того, кто так не вовремя решил спародировать его намерения.

Отражение не замедлило в точности, с разницей в доли секунды, повторить атаку.

И два свирепых близнеца слились в череду молниеносных движений.

Схватка была короткой. Со странным, удивленным хрипом Поджигатель осел на подсвеченную фонарями дорожку.

Где-то неподалеку, в полумраке сквера испуганно вскрикнула женщина, по другую сторону бросилась наутек какая-то не вовремя проходившая мимо парочка.

Поджигатель, мучительно дыша, сидел в луже собственной крови. У ног лежал его же собственный нож, только что вспоровший ему внутренности, иссекший грудь, руки, лицо.

– Как, как это... – недоуменно прошептал Рогги Бур и, обмякнув, отключился.

Мим не может убить. Но может искусно сыграть своего противника – все, вплоть до самых тонких приемов. И ослепленный такой игрой враг погибнет от собственного же оружия, нанеся последний, отчаянный удар себе самому.

И это – более, чем справедливо.

Хотя и очень печально – как любая смерть...

Гор стоял над поверженным врагом, и глаза его были полны слез. Теперь он чувствовал, будто этим ножом только что убил самого себя. Или ту маленькую частицу собственной души, которая, умирая, навсегда меняет самого человека...

## Глава вторая

С высоты орбиты маленькая голубая планета выглядит вполне безобидно. Все те же океаны, континенты, облака – как на любом из известных миров. Кто бы мог подумать, что все это – не более, чем иллюзия, фикция? Что все это буйство роскошных красок скрывает притаившуюся на дне атмосферы зловонную свалку отходов рода человеческого – миллиарды копошащихся в собственных нечистотах червей в обманчивом человеческом облики?

Несмотря на знание фактов, Кору-Зан не мог отказать себе в довольно извращенном удовольствии полюбоваться висящим в пустоте шаром, подернутым дымкой ядовитой атмосферы. Взгляд притягивала не только красота переменчивых белых узоров.

Там, внизу, похоронена Тайна. Настолько туманная, недоступная, что многие Эстеты, посвятившие себя исследованиям неведомого, не находят покоя в тщетных поисках истины. Говорят, сами Созерцатели, что незримо дергают за ниточки сущего, не владеют полнотой картины. Конечно, в это верилось с трудом: все же, Земля, какова она есть – в немалой степени продукт недоступных для понимания интеллектуальных изысков Созерцателей.

Возможно, к концу долгой, наполненной размышлениями жизни, он и сам придет к пониманию...

Но сейчас перед ним стоят совсем другие задачи.

– Ипс! – позвал Кору-Зан.

За спиной тихо возник раб.

Родовитый Эстет из клана Занов может позволить себе раба даже на тайной Базе, зависшей в мертвом пространстве близ запретного мира. Конечно – раба тщательно проверенного Мусорщиками. Кору неприятны эти проверки – он недолюбливал Мусорщиков. Тем более, что данные Ипса безупречны: специально выведенная особь Безмолвной Линии вызывала зависть даже у сдержанных коллег. Не каждый Эстет мог обзавестись подобным экземпляром.

– Друг мой, – томно произнес Кору-Зан, окидывая взглядом медленно выползающий из-за изогнутого горизонта планеты ледяной континент. – Подготовь-ка мне облачение для инспекторского визита. Долг обязывает меня снизойти на поверхность этого мира. Я намерен предпринять визит сразу же после Консилиума...

Выражаться столь вычурно – вполне в стиле Эстетов. Словно подчеркивая пренебрежительное отношение ко времени, которого в продолжительной жизни выходцев из этой Линии бесконечно много...

Рослый, худощавый Ипс сдержанно кивнул и столь же беззвучно отправился выполнять указание. Безмолвным не требуется повторять дважды: они никогда не произносят слов, но слух у них отменный.

Кору-Зан оставил за спиной широкое панорамное окно, и планета вместе со звездами растворилась, уступая место успокаивающему пейзажу родного мира. Предусмотрительный Сервер представлял глазам каждого проходящего мимо панели образов наиболее подходящий вид. Сейчас боковым зрением Кору-Зан ловил знакомые картины Капекса – родовой планеты клана Занов. Но оставался равнодушен к знакомым пейзажам: мыслями он уже был на оттапливающей и в то же время странным образом манящей Земле.

Он покинул площадку раздумий и теперь неспешно шел по широкой металлической полосе, зависшей без видимой поддержки высоко над рабочими недрами Базы. Металл здесь особенный – податливый, способный глушить шаги и в то же время, исключая опасность поскользнуться. Полы синей эстетской тоги легко скользили по умной поверхности. Плоские, звенящие насыщенностью цветов, стены уходили в вышину и смыкались на огромной высоте под острым углом

Великолепный, внушающий чувство величия и мощи, дизайн этой части Базы создавали самые талантливые архитекторы древности. Как истые Эстеты, они не могли позволить столь важному объекту выглядеть чересчур сухо и функционально – этого не понял бы ни один уроженец Мудрой Линии – а именно для них в первую очередь создавался объект. Правда, многочисленный контингент Сильных не разделял восторгов по поводу столь нерационально используемого пространства. Но это – внутренние проблемы грубых, неотесанных вояк. Их функции носят исключительно прикладной характер. А потому их место – внизу, в тесных ящиках казарм. Пространство – для тех, кто способен его ценить...

Где-то в высоте бескрайних простотов Базы полоса встречалась с тремя себе же подобными – и обрывалась в никуда. Далеко внизу виднелись нагромождения самых немыслимых геометрических фигур – рабочее дно Базы – и у кого-нибудь слабонервного могла возникнуть паника при виде такой пропасти. Конечно же, это всего лишь иллюзия – еще один дизайнерский изыск создателей. Просто металл пола обретал здесь прозрачность, образуя площадку для бесед.

На площадке уже собрался обычный Консилиум. Эстеты, словно по воздуху степенно прохаживались вокруг невидимой оси и негромко делились друг с другом соображениями, обретенными в одиночестве на собственных площадках раздумий.

Появление Кору-Зана остановило это движение. Взгляды Эстетов устремились на него с ожиданием и готовностью. Ничего удивительного: Кору-Зан – официальный куратор Базы и неоспоримый авторитет в земной проблематике.

– Приветствую вас, коллеги, – сдержанно улыбнулся Кору-Зан. – Наша традиционная встреча совпала с предстоящим мне инспекторским визитом на поверхность. Было бы интересно услышать ваши идеи и соображения по этому поводу: хотелось бы сделать свой визит максимально полезным для нашего сообщества.

Эстеты оживились. Нет ничего более приятного и радующего душу, чем общение с мудрым собеседником. Наслаждение интересным деловым разговором, который сопровождается обменом ценными знаниями... Это подобно опьяняющему напитку – только содержит куда больше пользы и эстетического удовольствия...

– Я очень раз за вас, почтенный Кору-Зан! – восторженно произнес молодой Эстет из группы социальных исследований. – Самому оказаться в самом центре процессов – что может быть заманчивее? Уверен, вы вернетесь обогащенным ценными сведениями и поделитесь с нами...

Эстеты снисходительно рассмеялись: столь искреннее высказывание выглядело наивным – но что возьмешь с этого юнца? Главное – что он усердно продвигается по пути познания и подает еще большие надежды.

– Не сомневайтесь, Зигу-Зан, – улыбнулся Кору-Зан. – Ни капли информации не утаиться от вас в глубинах моего скромного интеллекта. Однако же я хотел бы услышать ваши пожелания касательно моей непродолжительной миссии. Предстоящий рабочий период я буду занят размышлениями и вряд ли смогу повторить подобную прогулку...

– Уважаемый Кору-Зан, – гнусаво произнес Кабу-Зан из группы биологических исследований, – мы полагаем, что рационально было бы прекратить существование еще нескольких видов растительного и животного мира планеты. Это помогло бы перспективным исследованиям биологической энтропии. Мы подготовили список...

– Конечно, коллега, направьте список в мое расписание. Я передам Поджигателям. Пусть займутся...

– Кстати, о Поджигателях, почтенный, Кору-Зан... – раздался вдруг трескучий голос.

Он принадлежал штатному Оппоненту Базы, Кану-Тагу, – единственному на базе Эстету, не принадлежащему клану Занов.

Штатный Оппонент – обязательное дополнение любого крупного исследовательского коллектива. Ведь в целях более эффективной работы и создания атмосферы взаимопонимания тот обычно комплектовался из представителей одного клана. И выходец из клана чужого выступал некой отрезвляющей силой, что, с одной стороны помогала в спорах (в которых, как полагают некоторые, рождается истина), а с другой стороны – исключала возможность заговора одного клана против прочих. Так уж получалось, что зачастую фигура Оппонента была представлена крайне неприятной личностью – дружелюбные и обаятельные Эстеты избегают подобной должности. И Кану-Таг не был исключением из этого правила.

Был он худ, лыс, морщинист и невероятно брюзглив. А кроме того – чрезвычайно остер на язык. Коллеги побаивались его едких замечаний и колких высказываний. Таги вообще не пользовались особым расположением Занов. И если до открытой конфронтации кланов дело не доходило, то отношения между ними складывались довольно холодно.

– Я слушаю вас, коллега Кану-Таг, – отозвался Кору-Зан, стараясь говорить максимально вежливо и корректно: дипломатия на пути познания имеет не меньшее значение, чем информация.

– Почтенный куратор, – заговорил Кану-Таг, выступая вперед и окидывая коллег надменно-ревностным взглядом, – известно ли вам об инциденте на поверхности, в результате которого едва не погиб Поджигатель?

– Да, мне сообщали об этом, – кивнул куратор. – Рогги Бур, первое звено, кажется? Но его, вроде, успели эвакуировать и спасти? Впрочем, какое нам дело до отдельных случаев? Деятельность Поджигателя в принципе связана с риском...

– Честно говоря, меня мало интересует судьба этого Сильного, – настойчиво продолжал Оппонент. – Важен сам факт нападения на него и при этом, заметьте – поражение Поджигателя в схватке!

Среди Эстетов начался негромкий ропот: они начали понимать, к чему клонит этот занудливый Таг: кто-то на поверхности оказался способен вывести из строя совершенную, казалось, неуязвимую боевую единицу.

Кору-Зан поморщился: он не хотел прикасаться к этому делу даже мыслями. Это дело Мусорщиков – копаться в уликах и выяснять обстоятельства происшествия. Да, факт странный. Но мало ли на Земле странностей?

– Коллега, вы придаете слишком большое значение происшествию, которое не относится к нашей компетенции, – примирительно сказал Кору-Зан. – Пусть Сильные разбираются сами.

– Может, я и придаю этому слишком большое значение, – упрямо продолжил Кану-Таг. – Но я не поленился обратиться к Серверу. И выяснил, какую информацию успели вытащить из этого Поджигателя, прежде, чем отправить его на регенерацию...

Штатный Оппонент сделал многозначительную паузу, оглядывая Эстетов строгим взглядом. Куратор не счел нужным задавать уточняющих вопросов. Он просто ждал продолжения.

– Поджигателя свалил обыкновенный Обреченный, из числа спонтанно прозревших, – могильным голосом произнес Кану-Таг.

Эстеты пораженно заахали, обмениваясь впечатлениями от новости.

– Должен с вами согласиться, коллега Кану-Таг, – нехотя произнес куратор. – Случай действительно уникальный и весьма странный. И какие в связи с этим вы делаете выводы?

– Вам следует отложить визит на поверхность и более плотно заняться расследованием инцидента, – произнес Кану-Таг. – Это мое мнение.

Наступила тишина. Делать такие заявления – дерзость даже для штатного Оппонента. Но куратор спокойно воспринял это посягательство на субординацию. Факт Необъяснимого давал Оппоненту право на подобные высказывания.

– Коллеги, – произнес Кору-Зан, окидывая взором всех присутствующих. – Аномальное поведение Обреченных действительно входит в комплекс наших исследований. Особенно это

касается спонтанно прозревших. Но никакой единичный случай не может заставить нас нарушить общий ход работы. Лично я не понимаю, каким образом один вышедший из-под контроля Обреченный может навредить моему визиту?..

Куратор уже знал, что скажет дальше, параллельно продумывая, как опередить пронырливого оппонента с докладом в Метрополию.

Ведь он должен изложить собственную версию странного происшествия. Вот ведь, зануда, как кость в горле – вечно раздувает мелкие проблемы до невероятных размеров! Но, с другой стороны, надо разобраться с этим Обреченным: разыскать его, выяснить причины его прозрения и источник необычных боевых способностей у бывшего уроженца Грязной Линии...

Однако продолжить свою речь Кору-Зан не успел: в центре зала вспыхнул дымчатый шар образов, и мягкий голос произнес:

– Внимание Консилиума! Готовность к встрече корабля легкого класса. Предполагаемый экипаж: два или более Мудрых, десять или более Сильных...

– Этого только не хватало, – проговорил Кору-Зан и услышал рядом тихое и удовлетворенное:

– Вот видите, коллега: то, что вы не восприняли как серьезную проблему, оценил кто-то из высшего руководства...

Куратор только сжал зубы: все-таки, этот подлец опередил его!

...Огромная, пыльная туша Базы легко пряталась от примитивных приборов краткоживущих землян, слепо пляшущих в звездное небо. Они видели лишь оболочку и были бы очень удивлены ее истинным содержанием. Это содержание прекрасно отражалась в ярких панелях изящной и стремительной бригантины, что, замедляясь, приближалась к посадочной грани.

На пассажирской площадке, перед огромной панорамой планеты, стояли двое. Они казались близнецами – настолько схож был их облик. Оба грузные, лысые, с лицами, испещренными глубокими морщинами, намекающими на старость и немощность.

Но так могло показаться лишь тем, кто впервые видел Ценителей – еще одну ветвь Линии Мудрых.

Оба в земной одежде – это сразу могло подсказать цель посещения ими Базы. Неброские серые плащи поверх одинаковых костюмов, удобные замшевые ботинки – все это делало их более, чем похожими на краткоживущих. И если Сильные облачались в чужую одежду лишь вследствие необходимости, то Ценителями двигали совершенно другие соображения – малопонятные прочим Сильным и Мудрым, не говоря уж о Темных, которым и в голову бы не пришло доискиваться до мотиваций поведения этих небожителей...

Ценители со сдержанным любопытством рассматривали планету. Они прекрасно осведомлены о ее мрачной репутации. Но это обстоятельство ничуть не смущало их. Ценители всегда знают, что делают...

Посадочная грань приняла в себя тело корабля: жидкий металл стряхнул маскирующую пыль, втянул в себя тонкий корпус и, аккуратно перевернув, расположил его на внутренней стороне грани – рядом с несколькими кораблями попроще.

Здесь была пара дальних пассажирских каравелл, тяжелый боевой бриг, и личная гондола куратора – единственного на Базе Эстета, который имел собственный межзвездный транспорт.

Еще была пара древних, сотни лет не тронутых атмосферных шлюпов. Никто уже не помнил, для чего они здесь находятся: для тех, кто ведет долгосрочные наблюдения за Землей, не требуются корабли.

Существуют куда более быстрые и эффективные способы перемещения на поверхность.

Кору-Зан встречал неожиданных гостей прямо на приемной плоскости, поданной к диафрагме выхода.

Едва лопнул металл диафрагмы, на плоскость из бледно освещенной глубины корабля принялись неторопливо выпрыгивать крепко сбитые фигуры, обвешанные массивными контейнерами с грузом.

Куратор внутренне напрягся: впервые он видел на станции Санитаров – ударную мощь Линии Сильных. Такое просто не могло придти в голову! Зачем здесь нужны Санитары? Неужто их хотят сбросить на поверхность, нарушая чистоту исследований, внося хаос и сумятицу в, без того с трудом поддающуюся анализу, быстротекущую жизнь земной популяции?

Санитары, игнорируя Кору-Зана, тяжелым шагом проследовали мимо. Куратор обернулся. За спиной появилась рослая фигура Деуса Бура – коменданта группировки Сильных при Базе. Формально этот Поджигатель подчинялся куратору. Но переброска на Базу Санитаров с ним не оговаривалась. Надо полагать, решение принималось в Метрополии – возможно, на самом Колоссе – и принималось быстро.

Стройный ход мыслей Кору-Зана был нарушен. Что-то происходило, и он терял контроль над ситуацией. Ее следовало срочно исправлять – пока это не навредило карьере.

Между тем, едва корабль покинул последний Санитар, на плоскость неспешно ступили главные гости.

Кору-Зан недолюбливал Ценителей. Он, Эстет, способен постичь многое из того, что двигало мыслями и поступками представителей всех Линий и даже некоторых нечеловеческих рас. Но психика Ценителей оставалась для него за гранью понимания. Видимо, это происходило по той простой причине, что Ценители несколько выбивались из стройной системы Линейной Структуры общества.

Ценители – паразитарная ветвь Линии Мудрых. Все мысли, поступки и мотивировки Ценителей замкнуты исключительно на самих себя. На удовлетворение собственных желаний, странных фантазий и улаживание своего непомерно раздутого «Я». Непостижимым образом вышло так, что малочисленная, теряющаяся в многомиллиардных толпах жителей Конгломерата, ветвь Ценителей находится выше линии Эстетов по социальной лестнице. И это – несмотря на то, что вся интеллектуальная мощь Конгломерата Миров создавалась силами трудолюбивых и продвинутых в творческом плане Эстетов.

Этого Кору-Зан не мог принять. Хотя и осознавал: раз существование Ценителей допускается Созерцателями, значит, в этом есть некая высшая, непонятная ему целесообразность.

– Приветствую вас на территории Базы, – Кору-Зан слегка склонил голову в вежливом поклоне. – Как куратор этой территории, обязан поинтересоваться: чем мы обязаны столь неожиданным визитом?

Ценители небрежно, почти синхронно кивнули, подошли ближе.

– Здравствуйте, куратор, – вялым голосом произнес один из прибывших. – Вы проводите нас к выходам Туннеля? И пусть туда же доставят наше снаряжение...

Говоривший, как и его спутник, даже не взглянули на куратора. С ленивым любопытством они следили за перестроениями Санитаров. Подобное пренебрежение Кору-Зан не воспринял, как нечто оскорбительное. Это обычная манера общения Ценителей: весь мир они воспринимают лишь в качестве собственной, персональной среды обитания, в которой усилия всех и каждого должны были быть направлены на удовлетворение их желаний. И Догмы не позволяют прочим Линиям отказывать Ценителям в их желаниях – если это не противоречит другим положениям Статута, конечно.

Кору-Зану ничего не оставалось, кроме, как подчиниться:

– Прошу следовать за мной, – сдержанно сказал он, хотя внутри потихоньку закипала злость: день явно не задался! – И, тем не менее, я должен – это моя обязанность – поинтересоваться у вас: какова цель вашего посещения Базы и... поверхности?

– Охота, – ответил второй Ценитель, и оба взглянули на куратора пустыми стеклянными глазами.

Вот оно, значит как... Охота...

Кору-Зан знал про эту жуткую привилегию – право на охоту. Охоту за очень специфическими трофеями.

Охоту на людей.

Правда, подразумевалась добыча трофеев только в среде Темной и Безмолвной Линий, а также за пределами Конгломерата. Но и этого достаточно, чтобы испытать к охотникам чувство отвращения.

Кору-Зан знал, что Ценители часто посещают Землю с этими и иными, не менее изощренными целями. Но обычно они предпочитают осуществлять самостоятельную посадку на поверхность – таковы их исключительные права. И если Ценители вдруг заявили на Базу, да еще в сопровождении вооруженных до зубов головорезов – это может означать только одно: даже им теперь запрещен самостоятельный доступ к поверхности.

А это значит – происходит нечто, из ряда вон выходящее. И он, куратор, вынужден наблюдать, как инициатива уплывает из рук, грозя подмочить его безупречную репутацию.

Но с другой стороны – все, что происходит вокруг Земли, по-прежнему контролируется Базой, и должности куратора его тоже никто не лишал...

...Ипс закинул в жерло Туннеля тяжелые сумки и замер в сторонке, ожидая дальнейших указаний хозяина. Ценители не стали утруждать себя словами благодарности и прощанием.

Они просто ушли.

Как только зарола перепонка входа в Туннель, Кору-Зан решительно направился к панели образов. На ней немедленно вспухло лицо Деуса Бур.

– Комендант Бур, – решительно произнес куратор. – Мне нужно с вами встретиться. Немедленно.

Комендант выглядел недовольным. У него за спиной происходило какое-то активное движение, лязгало оружие, слышались команды офицеров.

– Да, куратор, конечно, – без особого энтузиазма сказал Деус Бур. – Только у меня не будет возможности подняться на ваш уровень. Но вы можете спуститься в казармы...

Куратора передернуло. За годы работы на Базе он впервые получал подобное приглашение. Видимо, действительно происходит что-то из ряда вон...

– Хорошо, комендант. Ждите меня.

Кору-Зан шел вслед за рабом. По его приказу тот извлек из недр Сервера схему нижних уровней и теперь служил проводником своего хозяина. Хотя куратор вполне мог бы и сам отыскать дорогу, но ему было стыдно признаться самому себе: он просто боялся в одиночестве спускаться в мрачное обиталище Сильных.

Конечно же, это всего лишь предрассудки: ну, чего плохого могут сделать воины тому, кого и призваны защищать в случае некой иллюзорной опасности? Но факт остается фактом: Эстеты и Сильные на дух не переносят друг друга. Это тем более странно, так как другие ветви Линии Мудрых не испытывают такой иррациональной ксенофобии.

Кору-Зан шел длинными коридорами, в стенах которых утоплены примитивные, но мощные металлические двери. Двери пронумерованы, и куратор неожиданно для самого себя поразился огромному количеству этих казарменных боксов. Конечно, все они пусты – контингент Сильных на Базе мизерный, к тому же большая часть из них находится с миссиями на поверхности. И то, что куратор видел сейчас, было лишь верхушкой гигантского айсберга Базы. Но если База изначально рассчитывалась на такое количество воинов, значит ли это, что потенциально существует некая, достаточно серьезная опасность?

Интересно, чего боялись древние создатели Базы?

Кору-Зан напряг память, пытаясь выудить из нее все, что знал об истории Базы. Странно, но ему, ее же куратору, было известно немного.

Например то, что База появилась задолго до того, как короткоживущие переоделись из звериных шкур в ткани и принялись строить города. Еще то, что База не всегда была столь закрытым местом. Обрастать секретностью она начала лишь тогда, когда были открыты убийственные особенности атмосферы и биосферы планеты, а заодно было принято эпохальное решение заменить применяемую к Обреченным смертную казнь отправкой в Точку невозвращения... Еще в голове имели место многочисленные обрывки административно-распорядительных документов. Все-таки, Кору-Зан был Эстетом, а не политиком или администратором из ветви Педантов.

...Тусклые металлические стены разбежались в стороны, открыв взору обширный плац, где происходило нечто невообразимое: множество фигур в темной обтягивающей крепкие тела одежде слились в одну шумную мельтешащую быстрыми движениями свалку. Кору-Зан догадался – здесь проходят то ли учения, то ли какие-то воинские тренировки, но все же остановился, невольно замерев от страха.

– Почтенный куратор? – раздался не очень приветливый голос.

Рядом возникла одна из фигур в темном. Взгляд, движения и голос человека говорили о том, что он еще не вполне вышел из состояния боя.

– Вам нельзя здесь находиться, – сказал человек. – Это зона приоритета Сильных. Пройдите вон тем коридором...

Кору-Зана не пришлось уговаривать. Он быстро направился в указанном направлении. Впереди снова возникла длинная и узкая спина раба: тот быстро сориентировался и теперь снова вел господина к конечной цели пути. Снова замелькали бесконечные двери, проплыли мимо ангары с незнакомой техникой.

Совсем запутавшийся и уставший куратор мысленно проклинал коменданта. Впрочем, разве тот виноват в том, что создатели Базы, позаботившись о жизненном пространстве Эстетов, столь сдержанно отнеслись к обустройству обители Сильных? И это при поистине гигантских размерах самой Базы! Здесь нет никаких излишеств – даже простой транспортной системы. Пару раз мимо промчались низкие, почти бесшумные платформы, ведомые мрачного вида Мусорщиками. Но Куратор так не решился попросить тех подвезти его до бокса, занимаемого комендантом.

...Комендант встретил Кору-Зана вежливо, но без особого радушия. В глазах Деуса Бура куратор заметил озабоченность.

– Я слушаю вас, куратор, – почтительно произнес комендант, как только оба уселись в жесткие кресла.

«И почему у этих Сильных все такое грубое и неудобное? – подумалось Кору-Зану. – Неужели это тоже способствует развитию воинских качеств? Или им просто плевать на элементарный комфорт?»

Кору-Зан поерзал на месте. Подлокотник не замедлил больно впиться в бок. Мелькнула довольно параноидальная мысль: а может, комендант подсунул ему это кресло, чтобы побыстрее закончить неприятный разговор?...

Стоп. Уважаемому Эстету из клана Занов не пристало давать волю эмоциям. Надо вытрясти из этого солдафона всю информацию – и дело с концом...

– Комендант, – заговорил Кору-Зан тоном человека, стоящего на более высокой социальной ступени. – За последние часы произошел ряд событий, которые заставляют меня думать, что на территории вверенной мне Базы происходит нечто, что мне, как куратору, не вполне понятно. Данная ситуация представляется мне недопустимой, а потому я требую от вас разъяснений...

– Задавайте вопросы, куратор, – даже не моргнув глазом, сказал комендант. Надо полагать, он был готов к подобным расспросам.

– Ответьте мне прямо: что произошло? Зачем здесь Санитары? Против кого вы собираетесь вести боевые действия?

– Отвечу по порядку, – сказал комендант сухим казенным голосом. – Вы прекрасно знаете, что произошло: вышедший из-под контроля Обреченный в прямом столкновении одолел одного из опытейших Поджигателей. Вы считаете это недостаточным основанием?

– Для переброски сюда Санитаров? – удивился Кору-Зан. – Возможно, я действительно ничего не понимаю, но неужели для того, чтобы справиться с одним Обреченным, вы собираетесь послать на поверхность целую фалангу этих головорезов?

Лицо коменданта дернулось: выражение про «головорезов» из уст Эстета ему явно не понравилось. Но он ответил сдержанно:

– Вообще-то подобные решения принимаем не мы с вами. Но я отвечу: нет, конечно же, Санитаров отправлять на Землю никто не собирается. Это было бы глупо. Обреченным займутся Ценители...

Так вот оно что... Ценители прилетели охотиться за вполне конкретной дичью. Надо же: если кто-то в Метрополии сумел убедить Ценителей совершить нечто на благо Конгломерата – значит, доводы были весьма серьезными...

– Что же касается Санитаров, – комендант сделал паузу и откашлялся. – Они призваны для защиты.

– Защиты кого? – удивился куратор.

– Скорее – чего, – ответил комендант. – Информации.

Он встал и прошелся по своему не очень просторному боксу. Затем повернулся к куратору.

– Информация о случившемся не должна выйти за пределы Базы, – сказал он.

– Что-то я не очень понимаю, – проговорил куратор. – Что такого особенного в этой информации?

– Для нас с вами – ничего, – сказал комендант и посмотрел в глаза куратора. – Но вы забыли, что у Конгломерата есть враги. Любые сведения об уязвимости Сильных были бы им на руку...

– Ах, вот даже как... – проговорил Кору-Зан. – Вы считаете, что кто-то за пределами Конгломерата может следить за тем, что происходит на Базе и на земной поверхности?

– Почтенный куратор, я и так сказал вам слишком много, – Деус Бур нетерпеливо похлопал ладонью спинку кресла. – Все остальное – приоритет Линии Сильных. И еще: ваш инспекторский визит на поверхность отменяется вплоть до особого разрешения...

– Но...

– Не нам с вами оспаривать такие решения. Прошу прощения, куратор. У меня дела.

Рогги Бур рычал от боли, но продолжал тренировку. Голова была ватная, сил в руках и ногах почти не было. Он самостоятельно, вопреки указаниям Эстетов-медиков, выбрался из регенератора, чтобы быстрее восстановить форму. И сделал это, наверное, действительно, рано. Но спокойно лежать и думать о своем нелепом провале он тоже не мог.

Им двигала только ненависть. И злость на самого себя.

Как могло случиться, что этот грязный Мим уложил его в два приема – словно он сам – какого-нибудь земного мальчишку?!

А ведь он знал про тайное умение мимов – Отражение! Знал – и не верил.

Кто из здравомыслящих Сильных верит в сказки?

Сильные верят только в себя. Там, на Земле удобно прикидываться религиозным – это помогает налаживать контакты с короткоживущими. И силой самовнушения он мог добиться почти настоящей веры, ну... например, в Аллаха. Или Будду. Там, где в обществе доминирует религия, особенно удобно манипулировать чужим сознанием. Странно, что люди до сих пор

этого не поняли – и это при том, что вполне сносная литература по психологии имеется почти в каждом книжном магазине.

Все дело в невежестве. Вот основа его силы! Поддержание массового невежества – особая задача Сильных на этой планете.

И высший пилотаж – удержание необходимого уровня невежества там, где традиционной ценностью считается образованность. Все очень просто: надо только убедить молодых в том, что быть умным – это просто немодно. Модно носить то-то, слушать то-то, ездить вот на таких вот тачках, и лапать вот таких-то девок. А учатся пускай хлюпики!

И хлюпики учатся. Ведь должен кто-то поддерживать всю эту систему.

О, Земля! Карточный домик всемогущих Созерцателей!

И пусть он не знает, чего добиваются в своих странных играх Созерцатели, но он, Рогги Бур, лучший из Поджигателей, своей ролью вполне доволен.

И ни за какие блага не отдаст свою безграничную власть над этими доверчивыми короткоживущими. Надо только выполнить требования Кодекса и доказать всем, что он по-прежнему достоин своего звания. Казусы случаются со всяким. Главное, чтобы они не превращались в систему...

Рогги Бур наносил серии ударов невидимому противнику, уклонялся от выпадов невидимки и резко передвигался, пытаясь поймать волну особого боевого экстаза. Пока это не удавалось и Поджигатель шипел от злости.

В регенерационный блок незаметно вошел комендант. Некоторое время понаблюдал за движениями Поджигателя, и произнес.

– Я одобряю вашу настойчивость, Рогги. Но, все же, вам лучше сперва восстановиться...

Рогги Бур исподлобья взглянул на коменданта и заставил себя склонить голову в приветствии.

Кору-Зан был его формальным начальником. Но Поджигатели ненавидят любое начальство. Их сила – в полной самостоятельности и власти над другими.

Впрочем, никто не отменял субординацию. Просто после возвращения с миссии Поджигателю требуется время, чтобы вернуться в привычные рамки.

Земля засасывает, как наркотик и не отпускает даже здесь.

– Рогги, у меня к вам важный разговор, – сказал комендант, медленно приближаясь. – Разговор тайный, знать о нем будем только мы двое.

– Я знаю, что такое тайна, – сказал Рогги Бур.

– Не сомневаюсь, – отозвался Кору-Зан. – Скоро вы снова отправитесь на поверхность...

Рогги Бур внутренне рассмеялся. Что ж, значит, ему не придется никому ничего доказывать. Если этот вопрос уже решен – любые другие задачи для него – просто рутина...

– Вам будет поручено особое задание, – продолжил Кору-Зан. – Только что на Базу прибыл контейнер с новым оружием...

Рогги Бур насторожился.

Новое оружие! Этого выражения он никогда не слышал применительно к настоящему времени. Все новое, созданное в Конгломерате, появилось задолго до его рождения – а ведь и он давно не мальчик! Это внизу, на Земле, еще не устали от забавной игры в гонку вооружений. Но говорить о чем-то новом применительно к оружию земному – просто смешно...

– Это особое оружие, – продолжил Кору-Зан, приближая свое жесткое лицо. – Оно не похоже на прежние образцы. Кое-кто решил, что испытывать его в Конгломерате небезопасно. А потому – вы отправитесь с ним на Землю. Санитары обеспечивают безопасность здесь, на Базе, и, в случае чего, готовы подстраховать вас...

– Что я должен с ним делать? Нужно что-то уничтожить? – глаза Поджигателя горели, на лицо впервые за множество дней вылез румянец.

– Ничего такого делать не придется, – сказал комендант и едва заметно улыбнулся. – Только доставить...

## Глава третья

Мирный сон мертвой бездны где-то далеко за границами Солнечной системы был снова нарушен. Сеть ветвистых молний прорезала вакуум, и совершенно противоречащий ньютоновской физике гром разлился по окрестностям одинокой молекулы водорода, царящей в этой области пространства.

Так появлялись из запредельных далей звездные корабли.

Вспышка разрядов на миг озарила зловещие корпуса – и те растворились в космической тьме. Лишь тени их, заслоня созвездия, намекали на присутствие чего-то огромного, мощного и опасного: экипажи не собирались включать опознавательные огни.

Им было, что скрывать.

Возникшие здесь корабли вряд ли были добрыми гостями Солнечной. Торговые суда стремятся вынырнуть поближе к светилу – так легче ориентироваться, да и энергии на подход к нужной планете приходится тратить несравненно меньше. Промысловым баркасам вообще нечего делать за границами системы: здесь нечем поживиться, кроме скудного излучения далеких звезд.

Прибывшие корабли могли быть только ударными.

Они не спешили с действиями. Они просто были. Здесь и сейчас. Как шахматные фигуры, которые всегда под рукой на нужных черных или белых клетках.

Только маленькая тень, чернее самой тьмы скользнула из-под чернильной туши громадного корабля, не спеша, улетающая к Солнцу.

Черная пешка отправилась к противоположной стороне доски. Это не так уж сложно, когда нет того, кто играет белыми...

Гор отработал смену и теперь устало направлялся домой. Если домом можно назвать ту жалкую конуру, в которой ему по старой памяти уступили свободный топчан кореша-грузчики с почтово-багажной станции. В кармане скрипела мятая наличность: физический труд ужасен по своей природе, но в данном случае гарантирует сдельную оплату.

Решение вернуться на вокзал пришло спонтанно. Натура Гора по-прежнему не позволяла ему промышленячь грабежом и попрошайничеством, а для того, чтобы выжить, требовались деньги. На счастье, вокзальные бичи большого южного города благосклонно встретили жизнерадостного парня, не помнящего своего прошлого, но широкого натурой. Гору выбили место на разгрузке вагонов, где оборот наличности был довольно высок по местным меркам. Конечно, Гор не собирался проводить здесь остаток дней. Идея сбежать с планеты-монстра еще не оставила его, хотя ее реализация представлялась в каком-то туманном и совершенно неопределенном свете. Но, так или иначе, требовались деньги. И Гор честно вкалывал, по вечерам развлекавая работяг-собутыльников нехитрыми мимическими упражнениями. Своим искусством он зарабатывал себе кров.

Барак, в котором прятался прозревший Обреченный, ютился за складами и дорога к нему лежала через заваленные мусором проезды. Но Гор обычно удлинял свой путь, выходя за пределы «багажной» с тем, чтобы подышать более свежим воздухом, поглядеть на людей, улицы и закусь в какой-нибудь дешевой забегаловке.

На этот раз он не стал мудрствовать с выбором заведения, а остановился у ларька, рядом с которым, словно нелепые ядовитые грибы, торчали кособокие пластиковые столики. Взял себе «хот-дог» с разбухшей сосиской и корейской маринованной морковью и пластиковый стакан пива.

С жадностью поедая чудовищный бутерброд, Гор отстраненно думал: как все же это странно. Если бы там, на родимой Плацене, ему описали его будущий образ жизни, он счел бы

говорившего сумасшедшим. А теперь он вполне вжился в роль короткоживущего и уже почти не думал об ускоряющей ход и сжимающейся в точку жизни.

Все-таки тяжелый труд с одной стороны отупляет, а с другой – действует как наркотик, помогая забыться в усталости и удовлетворении простых животных потребностей. Пройдет еще немного времени – и он совсем забудет о планах побега и сгниет заживо где-нибудь в грязном бараке.

Но нет...

Покоя не давало воспоминание о короткой, но жестокой схватке с Поджигателем. Едва мысли о ней всплывали в усталом мозгу, тело напрягалось, словно в ожидании новой опасности, дыхание учащалось, и хотелось что-то делать: драться, бежать, кричать! Все, что угодно – только не ждать безвольно – что будет дальше? Хотелось двигаться, совершать поступки, влиять на события. Это странное, волнующее чувство: словно сыграв своего врага – коварного и жестокого Поджигателя – он, Мим, сам обрел часть его природных качеств.

Гор слышал о таком. Его наставник, старый Мим Йоко рассказывал немало историй, что происходили с Мимами в давние времена – когда в Конгломерате было не столь спокойно, и Мимам часто приходилось сталкиваться с недружелюбным отношением, а иногда – и применять Отражение. Йоко говорил, что после первого Отражения некоторые Мимы ощущали странную зависимость и специально искали повод вновь применить этот тайный коварный прием. В те времена найти приключения на свою голову было нетрудно. И некоторые, не очень благоразумные Мимы совершали много, очень много Отражений.

Это весьма хитрая штука – играть своего врага лицом к лицу. Однажды может наступить момент, когда Мим слишком уж достоверно входит в роль, и из защищающегося превращается в убийцу. Говорят, в один момент Мим перестает быть Мимом.

Он становится чудовищем.

Гор не боялся стать чудовищем. Ведь медленно и неуклонно превращаясь в короткоживущего, он и без того становился уродом. И лучше уж быть монстром, чем его жертвой...

...Размышления Гора прервал направленный на него взгляд: не вполне осмысленный, устремленный из-под опухших век какого-то незнакомого человека, незаметно подошедшего к столику, положившего на его поверхность грязные руки, торчащие из засаленных рукавов бесформенного плаща. Лицо человека было обрюзгшим, небритым, и сам незнакомец выглядел вполне опустившимся бродягой.

– Приятель, не угостишь пивом? – довольно бесцеремонно поинтересовался бродяга.

Гор пристально посмотрел на говорившего. Он вдруг неожиданно почувствовал в том что-то родственное: возможно, вспомнил те мучительные голодные дни, пока добирался сюда, прячась от патрулей, страдая от холода и ощущения безысходности. А потому, не говоря ни слова, пододвинул бродяге стакан.

– Премного благодарен, – сказал тот и степенно, с каким-то особым бродяжим шиком, отпил полстакана, задумчиво смакуя, словно оценивая палитру вкусовых качеств. Типаж был весьма колоритный, и Гор почувствовал к тому какой-то профессиональный интерес.

– Есть хочешь? – спросил Гор, откусывая от бутерброда.

– Я не сомневался, что вы предложите, – вежливо сказал бродяга. – В вас сразу видно благородного человека. Хоть вы и из Линии Темных...

Гор замер с набитым ртом. Сначала он не сообразил, что его ввело в ступор. Но через пару секунд он настороженно уставился на незнакомца, ожидая подвоха.

– Вы... Мусорщик? Вы пришли за мной?

Бродяга хрипловато рассмеялся:

– Неужто я похож на Мусорщика? Это мой вид подталкивает вас к столь оскорбительной оценке?

– Я не знаю, как должен выглядеть здесь, на Земле Мусорщик, – медленно произнес Гор. – И тем более не знаю, кем должен быть тот, кто выглядит так, как ты... как вы сейчас...

– Можно на «ты», – махнул рукой бродяга. – Теперь это не принципиально. Что до меня – то сейчас я такой же Обреченный как и ты. И такой же, как ты, прозревший.

– Здорово... – произнес Гор, не зная, радоваться ему или огорчаться столь неожиданной встрече. – Уж и не думал встретить здесь товарища по несчастью...

– Честно говоря, мне не очень хотелось раскрывать себя, – признался тот, кто скрывался за обликом бродяги. – Но теперь я не могу оставаться в одиночестве. Мне страшно...

С лица говорившего вдруг исчезло неуместное надменное самодовольство, уступив место паническому бегающему взгляду и нервному подергиванию лица.

– Мне страшно быть одному, – повторил человек, склонившись над столом и приблизив к Горю исходящее пивными парами и затхлостью лицо. – Мусорщики в этом районе уже две недели, как рыщут. Никогда такого не было. И еще – охотники. Наверняка идут по моим следам...

– Откуда вы... ты все это знаешь? – поразился Гор.

– Я много чего знаю, – сказал человек, уже более спокойным голосом: видимо, ему удалось взять себя в руки. – Пожалуй, даже слишком много. Потому-то меня и отправили в это болото, наполненное кислотой. А теперь, наверное, решили ускорить. На всякий случай...

Гор с сомнением посмотрел на бродягу. В его особенный статус и хоть малейшую опасность для Конгломерата верилось с трудом. К тому же Гор знал, из-за чего в действительности могли зашевелиться Сильные.

– Я думаю, ты зря беспокоишься. Эта суета из-за меня, – сказал Гор. – Я...

Бродяга сипло рассмеялся:

– Да кому ты нужен, Мим? Я тебе точно говорю: охотники вокруг меня рыщут, они хотят поставить мой бедный череп на полку со своими охотничьими трофеями...

– Я убил Поджигателя, – сказал Гор медленно, следя за реакцией бродяги.

– Я знаю, – просто сказал тот. – Именно потому я ищу защиты именно у тебя, Гор Дэй...

Наступило молчание. Шумели машины, смеялись прохожие, что-то кричали хулиганистого вида подростки. Краткоживущие стремились побыстрее реализовать возможности своей ничтожной жизни. Гор не привык еще к таким темпам. А потому на размышления ему требовалось некоторое время.

– Кто ты? – спросил, наконец, он.

Бродяга как-то нелепо подбоченился, выпятил вперед небритую челюсть, надменно вздернул брови.

– Зиг-Дан, Двадцать Седьмой Клана Данов, из distinguished ветви Эстетов...

Гор изумленно рассматривал собеседника. Проверять подлинность слов этого человека не было необходимости: теперь, по едва уловимым признакам внешности и по особому внутреннему чутью, свойственному жителям Конгломерата, Гор сам узрел очевидное.

Вот, значит, как складываются судьбы! Здесь, на поганой поверхности этого червивого шара он угощает отвратительным ядовитым пойлом высокородного Эстета! Там, на Плацене, этот Зиг-Дан ему в жизни не подал бы руки, не говоря уж о том, что это запрещено Статутом. Гор и не знал, что в Статуте предусмотрено подобное наказание и для выходцев из Линии Мудрых.

– Надо же, – сочувственно произнес Гор. – И тебя не пощадил Высокий Трибунал...

Зиг-Дан невесело рассмеялся:

– Для моей персоны Трибунал вообще не предусмотрен. Небольшая коллегия, быстрое тайное заседание, вжик! – и я здесь. Хорошо, хоть успел подготовиться заранее – знал, к чему дело идет. Ведь на Земле, по правде, так просто устроиться! Жаль, что столь же ненадолго. Но до сегодняшнего дня я мог чувствовать себя в определенной безопасности...

Зиг-Дан тяжело вздохнул.

– И все же, думаю, ищут именно меня, – сказал Гор. – Тот срок, который вы назвали, совпадает с датой моей встречи с этим... с Поджигателем.

Зиг-Дан с бессмысленным взглядом тербил пустой пластиковый стакан.

– Может быть... – беспомощно произнес он. – Хорошо бы, если это так... Э-э... Прости, я не то хотел сказать...

– Ничего, почтенный Зиг-Дан...

– Зови меня просто Зиг. Клан все равно вычеркнул меня из собственной родословной. Теперь я даже не принадлежу к ветви Эстетов. Я простой никому не нужный бомж с проклятой планеты... Наверное, ты прав: зачем им искать меня? Только я все равно боюсь оставаться в одиночестве...

Щенячьим, умоляющим взглядом Зиг уставился на Гора. Это было странно и как-то нелепо. Но Гор ощутил жалость к этому некогда недоступному, как бог, аристократу, волею судеб выброшенному на человеческую помойку.

И в этот самый момент к Гору вернулось давно уже забытое ощущение – чувство твердой почвы под ногами.

Теперь он не один. И он снова кому-то нужен.

– Ладно, Зиг, – сказал Гор. – Будем держаться вместе. Если ты действительно считаешь, что так будет лучше.

Ну, а дальше случилось неслыханное: бывший выходец из ветви Эстетов Зиг-Дан протянул ему руку. Грязную, корявую, мозолистую – совсем не похожую на руку настоящего Мудрого. И Гор пожал ее крепкой хваткой грузчика и солдата.

– Что ж, – сказал Зиг, – отныне будем друзьями.

– Конечно, – улыбнулся Гор. – Ну, раз так – еще по пиву?..

Привести Зига в барак к своим забулдыгам Гор решил не сразу. Разговор они продолжили, сидя на жестких креслах в здании вокзала. Гор очень опасался, что на излишне колоритную фигуру бывшего Эстета обратит внимание милиция. Но стражи порядка не нарушили стройный ход беседы.

Странное дело – и он, и его новый приятель Зиг общались в совершенно земной манере, словно не было колоссальной культурной пропасти между Линиями.

На осторожный вопрос по поводу того, где теперь обитает бывший Эстет, Гор получил ответ, весьма удививший его.

– У меня есть дом, – сказал Зиг. – Маленький домик на берегу моря. Там у меня небольшой сад, огород. Есть старая, но вполне на ходу, машина. Но я боюсь туда возвращаться. Я все еще не уверен, что ищут не меня...

– Хм, – произнес Гор, оглядывая Зига новым взглядом. – А я был уверен, что ты все время вот так...

– Бродяжничаю? – усмехнулся Зиг. – Нет. Я же говорил, что успел подготовиться к своему Воздаянию. У меня есть пара счетов в банках и достаточный запас наличных в разных земных валютах. Но я почти не пользуюсь этими деньгами. У меня есть скромная работа, которая не вызывает лишнего интереса к моей персоне, и мне этого достаточно. Тем более – что той жизни мне осталось?..

Гор снова удивился. Надо же было так напугать человека, чтобы тот столь тщательно засунул голову в песок и замер, как эта местная птица... как ее?..

– Это хорошо, что у тебя есть дом, – произнес Гор. – Может, тебе лучше вернуться? Я в любой момент жду визита Сильных...

– Нет, – твердо сказал Зиг. – Один я не вернусь. Но ты прав: Сильные не простят тебе поражения одного из лучших Поджигателей. Единственная причина, по которой к тебе еще не пришли – это то, поверженный тобой, остался в живых...

– Так он жив?! – выдохнул Гор, не зная, как реагировать на новость. – Откуда ты знаешь? Зиг лишь криво улыбнулся в ответ.

Мысли Гора лихорадочно прыгали. С одной стороны, он был рад, что не совершил убийства. Но с другой – приобрел серьезного врага. Гор даже не сомневался, что тот вернется – хотя бы ради банальной мести...

Зиг, казалось, читал его мысли:

– Тебя наверняка отследили. Ты помечен, как и любой Обреченный. Сильные не трогают тебя, чтобы дать возможность своему товарищу удовлетворить жажду отмщения – так требует Кодекс Сильных...

– Я так и думал... – пробормотал Гор.

– Это значит, что у нас есть время, чтобы избавить тебя от метки, – продолжил Зиг. – Как в свое время это сделал я...

Зиг воровато оглянулся и вдруг втянул голову в плечи.

– Ох... Я совсем забыл про охотников, – пробормотал Зиг. – Я засек их появление вчера утром. Ценители плевать хотели на Кодекс. И значит, они уже подбираются. Остается надеяться, что они не пользуются меткой. Им интереснее брать след идти по запаху дичи...

Гор помрачнел. Он знал, что Ценители любят охоту и охоту весьма специфическую. Многие в целях развития охотничьих навыков даже искусственно обостряют зрение и обоняние. И убивают добычу самими изощренными способами.

Проклятые паразиты...

– Знаешь, что, друг Зиг, – медленно, с расстановкой, сказал Гор. – Я хочу выбраться с этой планеты.

– Да, – довольно спокойно отреагировал его собеседник, совершенно не по-эстетски ковыряя грязным пальцем в ухе под редкими, всклокоченными волосами. – Вполне логичная мысль. Сам иногда фантазирую на эту тему. Только это невозможно.

– Почему? – насутился Гор.

– Друг мой Гор, – вздохнул Зиг. – Ты представить себе не можешь, какая машина противостоит несчастным Обреченным. Да и не только им.

– У меня хорошее воображение, – упрямо сказал Гор. – Но я хотел бы знать все о тех, кто нас контролирует. А главное – каким образом они прибывают на Землю. Ты можешь рассказать мне все, что тебе известно? Я вижу – ты прекрасно осведомлен в этих вопросах.

– Разве что, в чисто познавательных целях, – пожал плечами Зиг. – Все равно, за сотни земных лет еще ни одному Обреченному не удалось сбежать отсюда...

– Это абсолютно достоверно известно? – спросил Гор.

Он смотрел в высокий вокзальный потолок, словно пытаясь разглядеть там, в вышине свою родную звезду и уютную планету рядом. Но видел лишь потускневшие от времени плафоны и облупившуюся штукатурку.

– Ну, не считать же достоверными сведениями слухи и легенды, – нехотя буркнул Зиг.

– Так... – произнес Гор. – Вот в этом месте поподробнее, пожалуйста.

Зиг закричал и заерзал в кресле. Видимо, он сам уже пожалел, что проговорился.

– Ну... Как бы это сказать... – протянул он. – В общем, я слышал, что давным-давно одному Обреченному удалось-таки выбраться с Земли. И даже пройти через Базу...

– Какую еще Базу? – спросил Гор.

– Вот как, – усмехнулся Зиг. – Ты даже про Базу не знаешь?

– Я Мим, а не Эстет. Мне известны совсем другие вещи.

– И то верно... База находится возле Земли, на высокой орбите. Она невидима для местной техники. Ну, практически невидима. База контролирует Землю. Как нянька...

– Ты хотел сказать – как тюремщица?

– Точка невозвращения – всего лишь одна из функций этой планеты... Слушай, то, что я тебе рассказываю – вне приоритета Линии Темных. За разглашения следует Крайняя мера Воздаяния.

Гор удивленно посмотрел на собеседника.

– Да, – наткнувшись на взгляд Гора, пробормотал тот. – Никак не привыкну к тому, что я давно уже покойник. К этому невозможно привыкнуть.

– Так каким образом выбрался тот... Как его звали?

– Доз. Его звали Доз. Так, во всяком случае, я слышал. Вроде бы он прошел по Туннелю до Базы – а там пробрался на какой-то корабль и сошел при первой же посадке. Еще, вроде бы, искали его по всем планетам, все перевернули вверх дном, но так и не нашли. Скандал был страшный. Но дело замяли, а информацию засекретили.

– Откуда же ты знаешь все это?

– Я мог бы и не отвечать... Ну да ладно – какие секреты могут быть между друзьями, верно?

– Совершенно с тобой согласен. Мы здесь хуже короткоживущих – те хоть не подозревают о всей кошмарности своей участи. Какие уж здесь секреты?

– Да уж... Ладно. Странно говорить все это Темному. Да только какие мы теперь Темные да Мудрые? Обычные короткоживущие. Да... В общем, по сути своей деятельности я был связан с обработкой информации. Как бы это проще объяснить тебе, не Эстету...

– Обычным русским языком.

– М-да. Точно. Можно сказать, что я работал с потоками данных. Да, именно так. Я управлял информационными потоками. О, какая это была замечательная, творческая работа! Триллионы единиц информации текут сквозь тебя – а ты, словно какое-то всемогущее существо: решаешь, что из познанного тобой стоит сохранения, а что является всего лишь фоном, ненужной пылью. Ты плывешь в мощных дискретных полях, мозг гудит от напряжения – и руках у тебя стихия. Да, стихия...

Зиг замолчал, мечтательно глядя вдаль. Гор попытался представить, что такого творческого может быть в бездушных информационных потоках – и не смог. Видимо, и вправду надо быть Эстетом, чтобы ценить столь утонченные удовольствия. Нет, ему, Миму ближе простые человеческие чувства.

Хотя, с другой стороны – что может быть сложнее простых человеческих чувств?..

– ...в дискретных полях среди потоков достоверной информации встречается мусор, который мне и приходилось отсеивать. Среди такого мусора попадалось немало интересного. В том числе и странная история... про этого Доза...

– Вот! – кивнув, казал Гор. – Значит, то, что ты считаешь невозможным, все-таки, реально!

– И все-таки, это неподтвержденная информация...

– Не важно! – решительно сказал Гор. – Если это возможно в принципе – меня ничто не остановит!

Гору показалось, что Зиг еле заметно улыбнулся. Нет, все-таки показалось...

– Так ты расскажешь мне про Базу, про этот... Туннель?

– Конечно. Только после. Что-то я устал...

Гор с сомнением посмотрел на Зига. Видимо, придется его познакомить со своей вокзальной кампанией.

...Они входили под темный свод низкой, зловонной арки, когда Гор почувал неладное. Странное ощущение чужого присутствия – совершенно незнакомое раньше. Неужто, однажды сыграв роль Поджигателя, он впитал и часть врожденной паранойи Сильных?

Гор замер и жестом остановил Зига. После чего медленно двинулся вперед, одновременно плавно соскальзывая в Мир образов...

Он вплыл в мрачную подворотню – и тут же увидел замершие в странных позах силуэты. Слабо ощущаемое линейное поле выдавало в них Мудрых. У Гора не осталось ни малейших сомнений: это охотники.

Гор не слишком рассчитывал на маскировку Мира образов. Правда, он никогда раньше не сталкивался с Ценителями. Какое им дело до приземленных и глупых Мимов?

Гор надеялся только на свои быстрые ноги. Пора было удирать – и уводить охотников подальше от вялого и неповоротливого Зига. Потерять сейчас столь ценного друга было бы печально.

Чтобы броситься в бегство, следовало вынырнуть из Мира образов. Это и собирался сделать Гор, предварительно отойдя на безопасное расстояние, за грудку битого кирпича, что могла бы стать небольшой, но спасительной преградой... Осторожно двинулся дальше, за спины этих скрючившихся в ожидании фигур.

И увидел, как темные силуэты медленно распрямились и потянулись лицами в его сторону! Гор обмер: черт возьми – они принялись бежать! Гор пятился назад – а за ним, вытянув вперед руки, словно сомнамбулы, слепо двигались охотники. Они водили перед собой короткими прутами парализаторов, словно слепцы – белыми тросточками.

Случайно забредший сюда лучик далекого фонаря вдруг выхватил одно из лиц. Глаза Ценителя были спрятаны за темными очками, совершенно неуместными в этом мраке. И Гору почудилось, что глаза под темными стеклами закрыты: охотники действительно не видели его, растворившегося в Мире образов.

Но чуяли его запах.

Нервы Гора не выдержали и он, выпав из Мира образов, бросился прочь. Он перепрыгивал через груды мусора, отталкивался руками от шершавых кирпичных стен – и мчался вперед.

Коротко обернувшись, он с ужасом увидел, что черные тени, несутся за ним, упруго и уверенно, словно некие механизмы, созданные специально для погонь. Вот черт – ведь поначалу они показались совсем дряхлыми!

Из последних сил Гор прибавил оборотов – и споткнулся о торчащую из разбитого бетона металлическую арматуру. Кубарем полетел наземь. Ужасно больно, но страх был еще сильнее. Вскочил и, прихрамывая, рванул было вперед, но что-то заставило обернуться.

Позади никого не было.

Проклятье – ведь он был уверен, что его сейчас настигнут! Что это может значить?

Гор похолодел.

Он понял: с ним играли. Как кошка с мышкой. Его накачивали страхом, чтобы вволю насладиться предсмертным ужасом жертвы!

Гор вертелся на месте, в любую секунду ожидая удара. Он стоял посреди коридора из длинных рядов гаражей. Неподалеку поскрипывал под слабым ветром фонарь, но его свет не радовал Гора.

Если б их только не было двое! Тогда бы у него оставались шансы...

Домыслить до конца Гор не успел. Он услышал свист рассекаемого воздуха и откинул свое тело назад: врага надо встретить лицом к лицу.

Скрипя зубами от напряжения, Мим уже входил в роль нависшего над ним темного силуэта охотника.

Стать его тенью, его Отражением... Ощутить в руках его оружие... Из дичи превратиться в охотника...

В руке нападавшего тонкий трехгранный кинжал – любимое охотничье оружие Ценителей. Такой не убивает сразу. Это было бы слишком скучно. Жертва должна страдать, истекать кровью как можно дольше. Ведь удовольствие всегда приятно максимально растягивать...

Гор всем существом ощущал теперь странное, извращенное удовольствие убийства. Он легко вошел в роль своего врага – гораздо легче, чем тогда, с Поджигателем. Ладонь приятно холодила холод рукоятки, клинок ощущался как продолжение ладони, особый орган, вроде скорпионьего жала. Он играл со своей жертвой и недоумевал, отчего та не убегает, не ищет последнего спасения?..

В движениях охотника появилась настороженность. Он заподозрил неладное: потенциальная добыча с неуместной точностью следовала его собственным движениям, словно издеваясь над ним. Высокое искусство охоты превращалась в фарс.

И чтобы пресечь жалкие потуги жертвы, Ценитель нанес первый удар, цель которого – обездвигнуть, но пока не убивать ее.

Одно молниеносное движение – и охотник взвизгнул – высоко, громко, жутким, наполненным болью звуком.

Охотник упал на колени. В дрожащей руке он сжимал окровавленный клинок, второй ладонью недоуменно держался за рану на пораженной грудной клетке. Усовершенствованное тело Ценителя не спешило расставаться с возможностью продолжать охоту. Но теперь у охотника не остается другого варианта, кроме как бить наверняка. Охотник удобнее перехватил лезвие, чтобы метнуть его в голову добычи.

Гор в точности повторил движение охотника, уже ощущая вкус предстоящей победы.

Как вдруг полетел вперед кубарем от мощного удара сзади. В глазах потемнело, а когда зрение вернулось, над ним склонялось уже две фигуры, и два лезвия смотрели ему прямо в зрачки.

Двое врагов – слишком много для Отражения. Гор почувствовал неизбежное приближения конца. Машинально пополз назад, спиной к земле, отталкиваясь ногами и упираясь в землю локтями. Охотники жадно следили за тем, как страх сминает волю строптивой жертвы.

Гор знал, чего ждут эти мерзавцы – когда он закричит, начнет умолять о пощаде. А потому, собрал остатки воли и рассмеялся им в лицо:

– Что, не по зубам добыча? Двое опытных убийц на одного безоружного Мима? Разве так интересно? Давайте, попробуйте поодиночке! Эй ты, плешивый, расскажи другу, как это здорово – поцарапаться собственным ножиком...

Раненный Ценитель захрипел от ненависти и, словно вмиг потеряв всякое самообладание прыгнул на Гора. Второй не стал дожидаться развязки и бросился следом. Гор сжался в комок, в отчаянии выставив вперед руки. Он понял – это конец. И приготовился принять в свое тело жалящий смертельный металл.

В черной вышине раздался раскаты грома. Вот, значит, как приходит смерть...

Потребовалось несколько секунд, чтобы понять: это не гром. Это выстрелы, слившиеся в один сплошной рокочущий звук: кто-то профессионально быстро нажимал на спусковой крючок.

Онемевшими руками Гор сбросил придавившее его тело. Из прострелянной головы кровь окатила его тонкой струйкой. Второе тело просто оттолкнул ногой. И выдернул из болезненно пульсирующего плеча промахнувшееся мимо сердца лезвие.

Лишь после Гор обернулся.

– Михей?! – изумленно произнес он. – Это ты?

– Ч-черт... Гордей, какого?! Откуда ты здесь взялся?!

Из тени возникла знакомая фигура сержанта. Отставив руку, тот цепко сжимал рукоять «стечкина». Выглядел он не менее растерянным, чем Гор.

– Я, как видишь, в кино про бандитов снимаюсь, – сказал Гор, подымаясь, отряхивая одежду, – скрытой камерой. Кстати, можешь улыбнуться... Дружище, а ведь ты мне только что жизнь спас – и уже во второй раз! Я теперь твой абсолютный должник. Не понимаю только, как ты узнал, что они за мной гонятся? И вообще – что ты здесь делаешь? Почему не в части?

– Да потому, что эти двое не за тобой – они за мной охотились, – медленно произнес Михей. – Ты просто случайно им под руку подвернулся...

– Что ты несешь? Ты даже не знаешь, кто это такие! Послушай, я ничего не понимаю...

– Конечно, не понимаешь. Я бы тебе сказал, кто это, но боюсь, ты мне неверишь...

– Это охотники. Из ветви Ценителей, – уже совершенно спокойно сказал Гор.

Михей пораженно ахнул:

– Гордей... Ты знаешь? Ты... Ты тоже... Обреченный?!

– Нашего полку прибыло... – пробормотал Гор. – Что-то на этой маленькой планете становится просто тесно от прозревших Обреченных...

– Двое Обреченных в одном подразделении? Невероятно! Это не может быть случайностью...

– Конечно, не может, – сказал Гор, склоняясь над убитыми. – Нас просто удобно устроили, чтобы проще контролировать и использовать. По крайней мере, так думаю я...

– Использовать? – недоуменно произнес Михей. – Нам? Зачем? Кому может понадобиться использовать Обреченных?

– Вот и мне тоже интересно – кому и зачем? – ответил Гор. – Но еще более интересно – как эти двое попали на Землю? Меня, собственно, интересует механизм: если они прибыли, значит, как-то собирались и убраться? С нашими черепами под мышкой...

– Это мне неизвестно, – покачал головой Михей. – Знаю только, что вчера, когда приехал сюда в увольнение, я случайно увидел вот этих двоих...

Он кивнул на неподвижные тела, которые Гор брезгливо обыскивал, надеясь обнаружить что-либо ценное.

– И тут, понимаешь, я как-то понял, что это – Ценители. И не просто Ценители – охотники! Эта мысль потащила за собой все остальное. У меня голова трещит – словно мешок с памятью лопнул! Я все вспомнил!

– И что же ты вспомнил? – без особого интереса спросил Гор. Его внимание больше занимали приборы, найденные в карманах и на поясах охотников. Приборы незнакомые, но, видимо, ценные. Надо их показать Зигу. Тот наверняка разбирается в этих вещах получше...

– Я не Михей, – сказал сержант. – Я Мах Эй, родом из Линии Сильных...

– Хм... Теперь, значит, из Сильных... Тогда я Гор. Гор Дэй, из рода Мимов, Темная линия. Или Линия Грязных, как называете нас вы, Сильные. Но об этом я уже говорил тебе там, в палатке...

– Не помню. Ничего не помню. В голове просто не хватает места... Понимаешь – память двух совершенно разных людей...

Мах присел на разваленный штабель шлакоблоков, у одного их гаражей. Невидящим взглядом уставился на пистолет, рукоять которого все еще продолжал сжимать посиневшими от напряжения пальцами.

Гор рассматривал тяжелый металлический брусок со странной мерцающей гранью. Это похоже на компактную панель образов из далекого родного мира, только выглядит более крепким. Лучше не экспериментировать с находками, а сперва показать их Зигу...

– Вот, черт, – произнес Гор. – Я совсем забыл про Зига. – Эй, Михей... То есть, Мах, дружище! Пошли скорее отсюда, пока на выстрелы не подтянулась милиция. У нас и без того достаточно неприятностей...

Зига нашли довольно быстро. Он вернулся на вокзал и дремал в крайне неудобной позе на металлической вокзальной скамейке. Увидев Маха, и услышав сбивчивый рассказ Гора, даже не удивился. Только задумчиво кивнул, и произнес:

– Отсрочка будет небольшая. Они придут – это только вопрос времени. Прибить охотников – значит, еще больше раззадорить Ценителей. Как бы здесь не открыли крупный охотничий сезон...

– Надо делать ноги из этого города! – заявил Гор. – Сегодня же берем билеты на поезд и...

– И – ко мне! – с надеждой в голосе произнес Зиг. – У меня есть кое-какие возможности – может, мы сумеем, наконец, избавиться от собственных следов. Во всяком случае, удалить метки я смогу...

– Так мы и поступим! – заявил Гор.

– Не забывай, Гор, – тебя ищут, – сказал Мах, покачав головой. – А теперь и меня, пожалуйста... Что у тебя с документами?

– Друзья сделали, – сказал Гор, пожав плечами. – Правда, не уверен, что паспорт не краденный...

– Не важно! – горячечно заговорил Зиг. – Нас уже трое – и значит, наши шансы растут! Это просто судьба! Нельзя упускать такую возможность!

– Вы, Мудрый, верите в судьбу? – недоверчиво нахмурился Мах.

Зиг грустно усмехнулся:

– Я слишком много знаю, чтобы не верить в судьбу. И это даже не самая любопытная вещь, известная мне. Но об этом после! Давайте решать вопрос с билетами...

– А что здесь решать? – Мах пожал плечами. – Возвращаться в часть я не собираюсь. А денег я добыл заранее – будто знал, что придется куда-то улепетывать...

Он достал из-за пазухи камуфляжной куртки несколько новеньких запечатанных пачек и тут же, мельком оглядевшись, спрятал обратно.

– Ты что, – обмер Гор. – Ограбил кого-то?

– Я взял то, что мне было нужно у того, кто имел это в избытке, – небрежно пожал плечом Мах. – Кодекс Сильных позволяет это. Впрочем, теперь мне плевать и на Кодекс...

Трое бывших Обреченных, игрой случая (а может, напротив, вовсе и не столь случайно) сидели теперь в одном загоне нелепого транспортного средства, составленного из длинных барakov на колесных парах, что полз по двум параллельным металлическим полоскам...

Поезд мчался к морю.

Гор с ироническим прищуром смотрел на мрачные лица приятелей и рассуждал:

– Итак, Темный, Сильный и Мудрый в одном купе. Какой удивительный поворот, вам не кажется? У старого Мима Йоко была постановка-притча на эту тему. Ее в конце-концов запретили, что и неудивительно. Но что бы все это могло означать?

– Не понимаю, о чем ты, Гор? – поджал плечами Мах. – Ты ищешь тайный смысл в простой случайности.

– Мой опыт, да и некоторые теории, исследующие потоки информации, считают, что случайностей не бывает, – чуть улыбнулся Зиг. – Просто не все закономерности нам под силу выявить и понять...

– Так или иначе – это символично, – сказал Гор. – Там, в Конгломерате, мы никогда не смогли бы встретиться. Только эта планета смогла объединить нас...

– Ты хочешь, сказать – нас объединила помойка? – приподнял брови Мах.

Все трое не очень весело рассмеялись. И Гор подумал: только здесь, на Земле, Сильный, Мудрый и Темный могут смеяться над одними и теми же вещами. Неужели они, такие разные и несовместимые по нормам Конгломерата уже успели стать одной, вневлинейной ветвью – сухой и корявой ветвью краткоживущих?..

– С этим придется мириться, – заявил Гор. – Эта планета – просто свалка для таких, как мы с вами...

– Свалка ненужных людей... – печально произнес Зиг.

Он успел умыться, побриться, но по-прежнему оставался похожим на какого-то неприкаянного скитальца. Наверное, тут дело не во внешности, а в состоянии души.

– Именно, – согласился Гор. – Самое острое мое желание – выбраться отсюда, как можно скорее. Раз уж волею Всевидящего Сервера мы прозрели...

– Еще один религиозный фанатик! – недовольно пробурчал Мах. – Но ты прав: здесь нечего делать. Я прямо чувствую, как меня разъедает изнутри эта мерзкая атмосфера... Пойду к проводнику – пусть чая принесет, что ли...

Гор прихлебывал сладкий бодрящий напиток, в дребезжащих подстаканниках, что принес проводник какой-то южной национальности. При его появлении Гор немедленно вспомнил коварную «зеленку» и машинально стал нашаривать рукой несуществующий автомат. Но проводник был весел, приветлив, и успокоившийся Гор, посмеиваясь над самим собой, любовался теперь законными пейзажами. Местами все напоминало Плацену, местами – не очень. Странно – почему этот мир стал столь губительным для человека?

Мах хмуро разбирал и собирал пистолет, словно это было для него чем-то, вроде успокаивающего ритуала. Он был убежден, что здесь, на Земле, им не быть в безопасности ни минуты. Он готов стрелять во все, что покажется опасным – о чем и заявил приятелям. Гор понял это так, что его бывший сослуживец не замедлит пристрелить и его, Гора, если заподозрит того в... в чем-нибудь заподозрит. Мах Эй из Линии Сильных, видимо, уже окончательно вытеснил простого парня Михея из этого ловкого мускулистого тела.

Зиг, между тем, прислонившись лбом к запотевшему окну, продолжал свой рассказ:

– ...И вот, сотни тысяч земных лет назад эту планету, наконец, было решено заселить, или, как здесь принято говорить – колонизировать. На поверхности уже жили какие-то человекоподобные существа. Но стать препятствие к заселению они не могли.

– А заселяли, небось, как обычно, Грязными? – сложив руки на груди и откинувшись на прилепленное к стенке подобие спинки, поинтересовался Гор.

– Конечно, – спокойно ответил Зиг. – Самой многочисленной и малоценной человеческой массой. Ну, руководили заселением, сам понимаешь, Эстеты, за безопасность отвечали Сильные. Процедура была стандартная: транспортные галеоны ссыпали людей и тут же уходили в сторону обжитых миров. Этот район всегда пользовался дурной славой – потому-то его и решили, наконец, обустроить. Конгломерату нужно было еще одно звено в цепочке Миров, которую протягивали в сторону этого края Галактики...

– То, что говорят про Посторонних – это правда? – поинтересовался Мах.

– Что-то правда, но куда больше вымысла, – охотно ответил Зиг. – Посторонние давно уже начали появляться на окраинах Галактики, и нам до сих пор ничего о них толком неизвестно. Неизвестны также их цели, что особенно беспокоит Метрополию...

– Если периодическое уничтожение наших кораблей ни о чем не говорит Эстетам, тогда я понимаю, почему нам все еще неизвестны их цели...

– Логика Посторонних до сих пор не понята, – возразил Зиг. – Мы не уверены, что уничтожение судов Конгломерата было намеренным. Ведь не факт, что пресловутый Звездный Жар – это именно оружие. В конце-концов, мы их даже и не видели никогда...

– Тем более – хватит уже сказок о Посторонних, – поднял руку Гор. – Вы еще не закончили про заселение...

– Да, действительно, – виновато произнес Зиг. – На чем я остановился? Ах, да! В общем, корабли ушли, предоставив колонии возможность спокойно обосноваться и приступить к развитию.

Через установленный срок на Землю прибыла инспекция – проверить состояние колонии и насколько эффективно используются выделенные на развитие средства.

Каково же было изумление инспекторов, когда они узнали, что на Земле уже успела смениться пара поколений! На корабле было несколько Эстетов из тех, кто присутствовал при заселении – так никто из них не смог найти среди поселенцев ни одного знакомого лица! Все первопоселенцы умерли в течение ближайших пятидесяти местных лет. Их дети и внуки уже с трудом понимали, что творится в действительности: родившись короткоживущими, они воспринимали происходящее как должное, и столь низкая продолжительность жизни уже не казалась им катастрофической. Свою связь с Конгломератом Миров они также представляли слабо – лишь по рассказам ушедшего поколения и по не очень многочисленным сохранившимся образам.

После первого шока в среде Эстетов началась паника: кто-то выдвинул идею о страшной эпидемии, царящей на этой, с виду безобидной, планете. Тогда инспекция в спешке покинула Землю. На астероиде, вблизи одного из окраинных Миров, был организован карантин, координаты Земли засекретили. Через сотню земных лет, наконец, пришли к выводу, что жизнь патологически сокращается только у живущих на поверхности планеты сколь-нибудь продолжительное время, непосредственно внутри ее атмосферы.

Но на всякий случай, полеты к Земле запретили. Все были уверены в том, что колония обречена на полное вымирание.

Это было первое открытие Земли.

Второе открытие произошло несколько поколений спустя, и было связано как раз с Посторонними...

– Ну, что я говорил, – пробурчал Мах, один за другим протирая патроны носовым платком, – И здесь не обошлось без них...

– Прямой связи, однако, не прослеживается, – сказал Зиг. – Дело в том, что поврежденный – предположительно Звездным Жаром – боевой фрегат уклонился от курса и вошел в район, не рекомендованный для посещения. То есть – в район этой самой Солнечной системы. Там им и была открыта кислородная, кишмящая жизнью, планета. Помимо всего прочего на ее поверхности были обнаружены многочисленные дикие племена гуманоидов, в которых генетический анализ показал самых обыкновенных людей. Конечно, столь важная информация была моментально передана в Метрополию.

Эстеты не могли не заинтересоваться феноменом. К Земле была направлена научная каравелла. И тут в дело вмешалась новая сила...

– Созерцатели, – тихо сказал Гор.

– Да. Они, – севшим голосом произнес Зиг, словно боялся быть услышанным Самими. – Земля была моментально провозглашена приоритетом Созерцателей. Почему – до сих пор остается загадкой. Видимо Самим известно про Землю гораздо больше, чем нас с вами...

– Или у них на нее куда более далеко идущие планы, – усмехнулся Мах. Сильные всегда говорят то, что думают. Даже Созерцатели не в состоянии их смутить.

– Возможно, – пробормотал Зиг. – В любом случае, именно после этого у земли появилась База. О, а вот и она сама...

На темнеющий небосклон из-за поросшего деревьями склона медленно выползал узкий серебристый серпик Луны...

Когда Гора уже начало клонить в сон от усталости и пережитых эмоций, в дверь купе постучали, и внутрь просунулась голова проводника.

– Вот, третье купе, вот ваше место. Это хорошие ребята, вы будете чувствовать себя совершенно спокойно, правда?

Проводник говорил с легким акцентом и с такой убедительностью, что Гор и впрямь почувствовал, что все они – действительно хорошие ребята, и с ними любому попутчику будет просто замечательно. Еще мелькнула мысль, что незнакомый попутчик неизменно станет помехой к обсуждению насущных планов.

Но как только в дверном проеме показалась ОНА, все мысли и смешались, и мелькнуло в голове только беспомощное «Нейла...»

Она была красива – но не слишком броско. Скорее, ее можно было бы назвать «миленькой». Была она не слишком, высока, светловолоса, и черты лица ее были мягкими, скругленными не сходящей с пухлых губ полуулыбкой. Одета скорее скромно, и лицо ее выражение имело виноватое, словно она переживала, что потревожила покой этих самых «хороших ребят».

– Здравствуйте, – застенчиво сказала девушка и осторожно, бочком протиснулась в купе.

Беспомощно посмотрела на багажную полку: видимо, она собиралась закинуть свой довольно объемный чемодан на колесиках.

– Давайте, я помогу! – немедленно среагировал Мах, ловко, одним движением, подхватил чемодан и зашвырнул его наверх, пожалуй, чересчур даже сильно, отчего тот отозвался с багажной полки грохотом.

– Ой, спасибо! – лучезарно улыбнулась девушка, и Гор немедленно вспомнил, что последний раз занимался любовью, если это можно так назвать, в каком-то заброшенном селении, с невзрачной женщиной, к которой повадился ходить весь взвод, таская с собой вместо цветов тушенку и прочие продукты.

М-да...

– Присаживайтесь, – предложил Мах и чуть ли не подножкой усадил девушку рядом с собой. Глаза его горели. – Меня зовут... Михай. Это вот Гордей, а это – Зиг....

– Зиг? – вскинула брови девушка, ошеломленная напором Маха.

– Зигмунд, – быстро сказал Зиг, поворачиваясь к девушке и чуть улыбаясь. – Очень приятно...

Словно в подтверждение своих слов Зиг достал откуда-то и водрузил на нос очки в массивной угловатой оправе. Бывшие Темный и Сильный взглянули на прежнего Эстета с удивлением.

– И мне очень приятно. Я Даша... – девушка говорила тихо, сбивчиво и выглядела смущенной чрезмерным вниманием.

Гор заметил это и сказал:

– Все, Михай, хватит сверлить Дашу своим брутальным взглядом. Пусть она отдыхает. Вон, лучше, приберись немного...

Гор сделал круглые глаза, указывая бывшему сержанту на торчащую из-под подушки рукоять пистолета.

– Конечно, конечно... – нехотя произнес Мах и запихнул пистолет поглубже.

Некоторое время ехали молча. Тишина, сдобриваемая только постуком колес, постепенно перерастала в неловкую. И нарушила ее именно Даша.

– А вы друзья, да? – совершенно непосредственно поинтересовалась она. – Наверное, на море едете? А мы с подружками из института в прошлом году вот так же собрались и поехали, тоже на море. Так здорово, весело! Всю дорогу пели, смеялись – никогда не забуду! А нам еще проводник попался такой веселый: ему одна наша девочка понравилась, и он все пытался произвести на нас впечатление. На станциях цветы и шампанское покупал, конфеты – представляете? Его Рустам звали. Все зазывал нас к нему домой: говорил, что дом на берегу моря, что будем, как сыр в масле кататься! А мы только смеялись – наверное, нас все за дурочек принимали...

Гор, улыбаясь, смотрел на девушку и видел, как умиляются, слушая ее, Зиг и Мах. Он сам с трудом боролся с этим умилением, которое странным, навязчивым образом пыталось затуманить сознание.

И когда поезд внезапно нырнул в тоннель, Гор понял.

Свет в купе не включился, и лишь скупое мелькание за окном тоннельных фонарей подсвечивало жуткую картину: милая и веселая Даша вдруг неправдоподобно резко вскочила и одним движением тонкой руки приложила развесившего уши Маха затылком о стенку. Мах вырубился.

Вторая ее рука со свистом пронеслась над головой успешного упасть на пол Мима – как раз сквозь то место, где только что была шея. Гор бросился головой вперед на этого монстра в облики миловидной девушки, и острые, как бритва, ногти лишь чиркнули по шее вскрикнувшего Зига, оставив за собой кровавых полоски.

У Гора была проблема с женскими ролями, а потому Отражение получилось неудачным. Он никак не мог поймать те неуловимые особенности хищной женской грации, которые превращали милую и мягкую Дашу в смертоносное оружие. Неудивительно, что через секунду он уже лежал на полу, а его горло пережимало острое колено в колготках телесного цвета. Щелк! – и в руках Даши появилась выдернутая из прически острая спица. Гор еще успел подумать про яд, но вдруг что-то глухо стукнуло, тело девушки обмякло и повалилось прямо на него на него. Гор выскользнул из-под тела, словно это была дохлая анаконда.

– Все нормально, дружище? – поезд вынырнул из тоннеля, и в неясном закатном полумраке над Гором нависла морщинистая физиономия Зига с перекошенными на носу очками.

Очки ему явно не шли. Как и пистолет, который он неловко держал за ствол, рукояткой от себя. Видимо, спасительный для Гора удар был нанесен именно ей.

Еще через секунду в купе зажегся свет, и Гор невольно прищурился.

– Минутку! – засуетился вдруг Зиг.

Он принялся быстро шарить по своим карманам, пока не нашел какой-то маленький металлический цилиндр. Его он приложил к руке бессознательно лежащей девушки. Сверкнуло, раздался треск электрического разряда.

– Порядок, – бодро сказал Зиг. – Два часа спокойствия обеспечены...

– Ты так ручаешься за Поджигателя? – усомнился Гор, поднимая с пола Дашино тело и укладывая его на край полки.

Застонал, ухватившись за голову, Мах. Это хорошо. Стонет – значит живой. Все-таки, вагонная стенка – не кирпичная, у нее есть некоторые пружинящие свойства.

– Ты думаешь, она... – пробормотал Зиг, осторожно указывая пальцем на девушку.

– Поджигатель, – кивнул Гор. – Никакого сомнения. Я уже познакомился с особенностями их пластики, уж поверь Миму

– Странно все это... – произнес Зиг. – Неужели она рассчитывала одна справиться с нами троими?

– И справилась бы, не сомневайся, – хмуро сказал Гор, рассматривая Дашино лицо: милое, невинное и спокойное, словно она просто прилегла ненадолго вздремнуть. Он даже не удержался – поправил ей волосы. – Она просто не учла, что я Мим. А быстро Мимы учатся... Да и то, что бывший Эстет двинет ей по башке пистолетом, вряд ли входило в ее планы...

Зиг посмотрел на оружие в своих руках и вскрикнул, будто впервые увидел его.

– Ой! – Зиг выронил пистолет. – Если бы я видел, что это – ни за что бы не решился...

– Вот видишь, – усмехнулся Гор. – И темнота сыграла нам на руку. Хотя должно было быть наоборот.

– Черт, что это было? – простонал Мах. – Мне почудилось, или...

– Да, это твоя бывшая коллега, – подтвердил Гор. – Знакомьтесь: Даша, профессиональный Поджигатель.

– Ого, – выдавил Мах, с трудом отодвигаясь от прислонившегося к нему тела девушки. – Тогда она мне не коллега. Я был простым Мусорщиком на Крассе...

– Все еще хочешь за ней приударить? – весело спросил Гор. Почему-то ситуация стала казаться ему забавной. Видимо – просто реакция на стресс.

– Да все уже, – отозвался Мах. – Она меня уже слегка приударила...

И все трое засмеялись каким-то невеселым, напряженным смехом.

Гор поднял с пола иглу, которой не успела воспользоваться Даша.

– Тихо! – придушенно воскликнул Мах, делая предупреждающее движение. – Не вздумай уколотся! Это яд!

– Смертельный? – поинтересовался Гор, передавая иглу Маху.

– Бывает всякий, – мрачно сказал Мах. – Знакомая штука – универсальный диверсионный снаряд. Если ее метнуть в живую цель – в ней включается микротяга, и самонаведение... Нам бы таких там, горах, в «зеленке»...

Мах положил иглу на столик, задумался. Странное дело: этот Мах вернул себе память, но по-прежнему рассуждал, как какой-нибудь земной вояка. Видимо он, выходец из Сильной Линии и в российской армии чувствовал себя вполне комфортно.

– Вряд ли эта барышня хотела убить нас, – нахмурившись, сказал Мах. – Скорее, она должна была нас просто обездвижить, чтобы доставить к тому, кто и должен нас укокошить.

– И к кому же? – поинтересовался Гор.

– Например, к его недобитому Поджигателю, – сказал Зиг. – Думаю, это было бы логично...

– Точно, – кивнул Мах. – Значит, нас как-то хотели к нему доставить. Интересно только – как? Даша эта на себе потащила бы?

– Зачем? – Гор помрачнел. – Мы и так едем в нужную ей сторону. На поезде.

– Как они узнали, что мы едем? – осторожно поднимая с пола пистолет, спросил Мах.

– Элементарно! – хмыкнул Зиг. – А на что, скажите, Эстетам создавалась электронная система продажи билетов? Всплыл твой «военник» – вот и все!

– Черт! Точно... – пробормотал Мах. – Кто бы мог подумать, что они и это контролируют...

– Не хотел бы вас огорчать, – грустно улыбнулся Зиг, – но многие вещи на Земле созданы специально, чтобы контролировать нас и управлять нами. Например, телевидение, сотовая связь.

– Это дело рук Эстетов? – поразился Гор.

– В какой-то мере, – уклончиво ответил Зиг. – Это часть общей программы...

– Какой еще программы? – нахмурился Мах.

Зиг не успел ответить. Свет мигнул, и купе снова погрузилось во тьму.

Тут же раздался металлический щелчок: это Мах передернул затвор своего «стечкина».

– Оставайтесь здесь, – твердо произнес он. – Я пойду, посмотрю, что там...

– Я с тобой, – заявил Гор.

Мах не стал возражать.

Они двинулись по темному проходу, чуть подсвеченному мелькающими за окнами огнями. Приблизились к купе проводника. Мах постучал:

– Эй, любезный! Что у нас с освещением? Эй, есть кто-нибудь?

Не дожидаясь ответа, Мах дернул ручку двери. Проводник лежал лицом на своем маленьком столике, по которому катался взад-вперед пустой граненый стакан. Мах приложил пару пальцев к шее проводника, повернул его голову и попытался заглянуть в глаза. Было слишком темно – он ничего не увидел, но все же твердо сказал:

– Чтоб я сдох – он без сознания!

– Вижу, – согласился Гор. – Не пойму только, почему другие пассажиры не выходят возмущаться? Спать вроде рано, а света нет...

В первом же купе они нашли объяснение: двое более чем упитанных персонажа с голыми торсами и в затасканных тренировочных штанах полулежали, отвалившись к противоположным стенкам. На полу одна на другой возлежали две дородные дамы – в жутко растянутых майках и таких же «трениках». Надо всей картиной царил удушливый пивной смрад.

– Вот же... – растерянно пробормотал Гор. – Но если всех вот так, одновременно... То почему же и мы...

– Избирательное оружие, – профессиональным тоном произнес Мах. – Им надо было убедиться, что мы – это мы... А может, просто шарахнули с орбиты – чтобы никто не смог помешать нашей Даше... Так, а теперь быстро выходим! Я смотрел по расписанию: через пять минут станция...

...Гор даже не удивился, когда мимо них на полной скорости пронесся перрон с растерянными пассажирами, очевидно, ожидавшими посадки. Поезд и не подумал притормозить. Зато его не замедлило швырнуть в сторону на какой-то стрелке. Друзья кубарем полетели на дверь тамбура.

– Он не останавливается! – завопил Зиг.

– Вот именно, – согласился Гор.

Поднялся с грязного пола и ухватился за красную ручку «стоп-крана».

– А теперь держитесь! – предложил он.

И дернул ручку.

Постарались, как можно быстрее, убраться с места происшествия. Взбесившимся поездом, несомненно, займутся «органы», и привлекать к себе лишнее внимание не хотелось. Двинулись обратно, до ближайшей же станции – благо, вышедший из-под контроля поезд не успел умчаться далеко. Зажатая между Гором и Махом, с немигающим взглядом, словно лунатик, брела плененная Поджигательница. Прибор Зига позволял управлять сонным телом и таким образом.

По словам Зига отсюда до его прибрежного поселка было не больше двух часов езды. Потому было решено на станции взять такси.

Так и поступили.

...Машина мчалась через поля, степи и длинные ряды высоких, тонких тополей. Гору хотелось просто расслабиться и наслаждаться дорогой. Но в голову, словно назойливые насекомые, лезли мысли о наползающих со всех сторон опасностях: Поджигателях, охотниках, всепроникающей, высасывающей жизнь атмосфере...

Даша будто бы спала посреди широкого заднего сиденья «волги», но Гору казалось, что в любую минуту та может открыть вдруг глаза и вцепиться ему в горло.

Очень неприятное ощущение.

На всякий случай Гор незаметно повторил разряд из парализующего цилиндрика Зига в упругое загорелое бедро.

Это просто дико, что из такой девушки сделали смертельный снаряд...

...Наконец, такси въехало на узкие улочки маленького зеленого городка, большей частью – одноэтажного. Кругом на заборах и деревьях мелькали сделанные от руки на картонках надписи вроде – «сдается комната». Видимо, они остались еще с курортного сезона, который закончился совсем недавно.

На калитке Зига подобной картонки не было. Неудивительно: какой же Эстет, пусть даже бывший, захочет, чтобы по его дому бродили грязные короткоживущие? Этот домик был последним оплотом привычной жизни Зига и маленьким островком Конгломерата на поверхности планеты Земля.

В чем вновь прибывшие вскоре и убедились.

## Глава четвертая

Маленькая черная тень скользила в сторону Солнца. Светило значительно увеличилось в размерах, и теперь в темном предмете можно было узнать небольшой зонд, какие обычно используют в космической разведке. Только это устройство выглядело несколько нестандартно: место, где полагалось находиться узлу разведывательных синапсов, занято странным шарообразным предметом.

Многим этот предмет показался бы просто небольшим каменным шаром. Другим – маленьким астероидом. И лишь немногие узнали бы в нем уменьшенную копию привычного ночного светильника.

Луны.

Зачем трудолюбивый зонд тащил в сторону Земли вторую, совершенно не нужную ей Луну? Ведь этому шару никогда не осветить ночное небо, не заставить взвыть даже самую непритязательную собаку, не вдохновить на глупости влюбленную парочку.

Да и вряд ли подобные цели могли быть поставлены боевому зонду.

Сейчас он сбавлял скорость, стремясь пройти незамеченным марсианскую орбиту. Предосторожность не была излишней: там, куда он летел, имели представление о тактике, стратегии и военной разведке...

Мим с сомнением смотрел на воду. Вода была прозрачная, чистая, на вид, будто жидкое стекло. Она ласкала крупную гальку и манила в свои мягкие объятия. Но он знал – даже эта вода наполнена жизнью – жизнью хищной, жадной до чужой плоти, стремящейся отобрать у него остатки и без того утекающей сквозь пальцы жизни...

Гор улыбнулся своим мыслям: привычные представления никак не могут смириться с грубой реальностью. Что ж, придется примирить их силой.

Разбежался по скользким камням и рухнул в обжигающее холодом осеннее море. Кто бы там что ни говорил – это действительно здорово! Он плыл по местному обычаю – размахивая над головой руками и полностью выкладываясь в этом коротком, но стремительном водном броске.

Гор повидал уже немало короткоживущих и убедился, что те ничуть не смущены столь убогим отрезком собственной жизни. Они просто обладают удивительной способностью наполнять свою маленькую жизнь событиями, каждое из которых обретает при этом особую значимость, которую, пожалуй, никогда не постичь размеренным и самодовольным людям Конгломерата...

Вот этому как раз и стоит у них поучиться. Тем более – это теперь более, чем актуально для бывшего Обреченного...

Гор шел с пляжа, улыбаясь, голый по пояс, трясая мокрой шевелюрой. С волос капала вода, и прохожие в свитерах и куртках смотрели на него несколько удивленно. Гор улыбался встречным девушкам, и они улыбались в ответ. И во всех этих улыбках он видел лишь одну.

Нейла... Ему нужно снова обрести ее. Только ради этого стоит пойти против течения, которое считается непреодолимым. Не зря ведь эту планету называют Точкой невозвращения...

...Когда Зиг отодвинул старый потертый диванчик, на простом дощатом полу показался квадрат подвального люка с утоленным в дерево кольцом. Эта наивная маскировка вызвала у Маха невольную улыбку. Но когда все трое спустились вниз и спустили связанную на всякий случай Поджигательницу, Гор с Махом только ахнули.

Убежище, «на всякий случай» подготовленное бывшим Эстетом, превосходило все возможные ожидания.

Во-первых, Зиг, видимо, совершенно не задумывался о рациональном использовании пространства. Подвальчик под маленьким южным домиком был размером с баскетбольную площадку, если считать вместе с трибунами. Высота, а точнее, глубина, его была такова, что у Гора от неожиданности закружилась голова. Хорошо, хоть у железной лестницы были перила.

Свет обильно лился из многочисленных светильников, отражаясь в полированных колоннах, замысловато разбросанных по пространству «подвала».

– Мне хотелось, чтобы хоть что-то напоминало дом, – скромно сказал Зиг и поправил очки. Теперь он с ними не расставался, ссылаясь на то, что таким привыкли его видеть соседи. Но, похоже, земной обычай ношения этих усилителей зрения просто пришелся ему по душе.

– Забавный у тебя был дом, однако, – произнес Мах, спрыгивая через несколько ступеней и принимая легкое тело Поджигательницы из рук Гора.

– А мне нравится, – заявил Гор. – Люблю простор и... Это чем-то похоже на театр...

– Театр – забава Грязных, – отрезал Мах и осекся. – Ой... Прости, Гор, вырвалось. Я хотел сказать – Темных... То есть, я вообще не хотел говорить ничего такого...

– Ерунда! – отмахнулся Гор. – Ты просто никогда не видел настоящего театра, действительно хороших актеров. Может, вы не знаете – но постановки моего наставника приходили смотреть очень даже высокопоставленные Сильные, не говоря уж о Мудрых. Разумеется – тайно...

– Всем приятно иногда нарушить закон, – усмехнулся Зиг. – Нет ничего слаще запретного удовольствия. Теперь, пожив на Земле, я понял, почему, доступ на эту планету закрыт для большинства, и почему сюда так стремятся немногие избранные.

– Почему? – спросил Мах.

– Потому что на Земле можно все! Все из того, что запрещено Статутом, Кодексами и Догмами Линий и Миров! Земля это... Даже не знаю, как это назвать...

– Царство беззакония и греха! – сурово сказал Мах, чем вызвал смех Гора и Зига.

– Скорее – царство первобытной свободы, – усмехнувшись, сказал Зиг. – Это место, где за чудовищно короткий срок можно пройти все ступени социальной лестницы – от нищего до короля и испытать все мыслимые виды наслаждений...

– О том я и говорю, – строго сказал Мах и вдруг словно опомнился. – О чем это я говорю? Слово никогда не был сержантом и не ходил в самоволку! Черт возьми, Зиг – ты прав! И знаешь – я не уверен, что все это мне так уж не нравится...

– Жаль только, что за такую свободу придется платить собственной жизнью, – усмехнулся Гор.

– А вот с этим я как раз не согласен, – кивнул Мах. – Давайте думать, что делать дальше. Например, как поступить с этой...

Он кивнул на пленную, которую уложили в массивное кожаное кресло замысловатого дизайна, странным образом стоящее посреди огромного зала. Видимо, в этом кресле Эстет Зиг любил предаваться многочасовым размышлениям – или как там у них, у Эстетов принято?..

– Верно, – сказал Гор. – Зиг, это была твоя идея. Как мы будем ее допрашивать?

– Во-первых, давайте избавимся от меток, – сказал Зиг, подходя к товарищам с массивной металлической трубой. – Только прошу – без обмороков...

Гор не успел поинтересоваться смыслом этого туманного выражения, как в лицо ударила тугая горячая волна – словно он попал в струю реактивного двигателя. Швырнуло назад, в глазах потемнело.

Когда все кончилось, он стоял, склонившись над мраморным полом, упершись руками в колени. Его мутило.

– Что это было? – откашливаясь в кулак, поинтересовался Мах: ему тоже досталось из этой странной трубы.

– Я называю это «стиратель», – пожал плечами Зиг. – Не спрашивайте меня, как он работает. Мне его достали специально для таких вот случаев – он выводит из организма все чужеродные предметы – искусственного происхождения. Только так можно гарантированно избавиться от скрытого наблюдения, полагающегося Обреченным. Так что теперь вы – обычные короткоживущие, и ни по каким меткам вас не найти. Впрочем, отыскать всегда можно и по обычным следам. По отпечаткам пальцев, генетическому коду, запаху, в конце-концов... Но, согласитесь – это несколько сложнее.

– Не знаю, не знаю, – с сомнением произнес Мах и покосился на Дашу. – А вот этот «прибор» точно стоит как следует продуть. Наверняка она нашпигована всякими устройствами, как жареная утка – яблоками.

– Ты прав, – кивнул Зиг и поправил очки. – Сейчас мы ее продуем, как ты говоришь.

Зиг направил на все еще находящуюся «в отключке» девушку свой «стиратель». Поначалу ничего не произошло: Гор не увидел никого реактивного ветра – видимо, это вообще были всего лишь проделки его собственного воображения под воздействием чудного устройства.

И вдруг по барабанным перепонкам, будто проникая вглубь мозга, ударил странный, вызывающий оторопь, звук.

Гор не сразу понял, что это крик.

Так кричала девушка.

Ее тело изогнулось дугой, и Гору казалось, что веревка, которой она была связана, сейчас лопнет от неимоверного напряжения. Этого не произошло – Мах умел связывать пленников.

Девушка упала с кресла, и трое потрясенных людей наблюдали за дикой пляской ее тела на скользком мраморном полу. Зиг в страхе отвел в сторону «стиратель», но конвульсии Поджигательницы продолжались еще несколько долгих секунд, сопровождаемые диким воем, который никак нельзя было признать исходящим из человеческой глотки. Наконец, дернувшись в последний раз, девушка затихла.

– Всевидящий Сервер! – потрясенно произнес Гор. – Что же это такое было? Ты убил ее?

– Я... Я никогда не делал этого с Поджигателями, – пробормотал Зиг, нервно поправляя очки.

– А что – Поджигатели? – нахмурился Мах. – Они отличаются, например, от меня только подготовкой и небольшими особенностями наследственности. Тут что-то другое...

– Может, в ней слишком много этих... чужеродных предметов искусственного происхождения?

– Не больше, чем в любом из нас, – покачал головой Зиг. – Вот: сканер показал, под кожей черепа метки, вживленные устройства связи... Все, больше ничего не было...

Зиг передал «стиратель» в руки Мах и опустился на колени перед Дашей. Если ее все еще имело смысл называть так. Пощупал пульс.

– Вроде жива...

Зиг встал, посмотрел в маленький металлический прямоугольник, в котором светились незнакомые образы.

– Знаете, что... – каким-то севшим голосом произнес он. – А ведь она – не Поджигатель. Она вообще не из Линии Сильных...

– Так кто же она, черт возьми? – нетерпеливо спросил Мах.

– На Безмолвную не похожа, – задумчиво проговорил Гор. – Болтает – не остановишь...

– Вы не поверите, – удивленным голосом сказал Зиг, смотря то на Гору, то на Маха. –

Она – короткоживущая.

– Что?! – хором воскликнули Гор и Мах.

– Землянка, – сказал Зиг и, словно оправдываясь, выставил перед собой панель с мешаниной невнятных цветных образов. – Так, по крайней мере, говорит сенсор...

Все трое обескуражено уставились на бессознательно замершую на полу девушку. Наконец, Гор спохватился:

– Надо ее развязать!

– Валяй! – согласился Мах, на всякий случай снимая пистолет с предохранителя.

Гор развязал тугие узлы, после чего бережно уложил девушку обратно в кресло. Безмятежность на ее лице сменилась мукой.

– Разбудить, что ли? – сказал Гор.

– Да-да, конечно, – спохватился Зиг.

Он поднес к руке девушке все тот же цилиндрок – но, на этот раз, другой стороной. Снова сверкнул разряд – и девушка застонала.

На этот раз – вполне по-человечески...

– Что... Что случилось? – слабым голосом произнесла Даша, слепо шурясь на не слишком яркий подвальный свет. – Где я?

– Надо же, некоторые вещи ставят в тупик даже такую опытную диверсантку, – ухмыльнулся Мах.

– О чем вы? – испуганно озираясь, спросила девушка.

Выглядела она вполне испуганной, и ее растерянность показалась Гору искренней. Все-таки Гор был Мимом, и не знающий планетной принадлежности актерский принцип со знаменитым «не верю!», составлял часть его сущности. Конечно, Гор не знал этой крылатой фразы. Зато вдруг почувствовал, что его способность ощущать фальшь и достоверность неизменно выросли.

Это было странно и удивительно. Гор знал, что жизнь его быстро сокращается, и силы незаметно покидают его. Но способности Мима не только не теряются от недостатка практики – они растут, и растут невероятно быстро! Это стало ясно уже во время второй схватки с применением Отражения. А теперь уже не вызывало ни малейшего сомнения.

Может, это – своеобразная реакция организма на убийственное воздействие Земли?

Эти мысли быстро мелькнули в голове Гора, разбившись о последний тезис: не важно – почему. Важно – использовать все возможности для достижения цели...

– Я ничего не понимаю, – всхлипнула девушка. – Я ехала в поезде... И вы... Вы тоже ехали...

Лицо ее вдруг перекосила гримаса ужаса:

– Вы... Вы напоили меня! Отравили – и похитили?..

Даша испуганно сжалась в кресло, словно стремясь продавить его насквозь. Ее тело теперь била мелкая дрожь.

– Что за цирк... – неуверенно произнес Мах.

– Она не притворяется, – сказал Зиг, демонстрируя непонятную цветную мешанину на панели образов. – Я контролирую эмоции...

– Поджигатель может обмануть приборы, – упрямо сказал Мах.

– Но не хорошего Мима, – произнес Гор. – Она не лжет. Она действительно боится. И не знает, что произошло в действительности...

– Если это так... – размеренно произнес Мах. – Если ты действительно знаешь, что говоришь, Мим, тогда мне все ясно. Она – игрушка.

– Что? – не понял Гор. – Какая еще игрушка?

– Очень просто: существо, задача которого – выполнить заложенную программу. В данном случае – землянка, которой незаметно для нее самой вживили управляющее устройство

– командер. Возможно – просто иглой в кабинете стоматолога. Один из любимых приемов Поджигателей.

– Что вы такое несете? – слабо проговорила Даша. По лицу ее текли слезы, растворяя тушь и оставляя тонкие черные полоски.

Мах продолжал, не обращая на нее внимания:

– Игрушка – удобная вещь для диверсионной работы. Поиграл – и отложил в сторону, пока не понадобится снова. Ее даже не нужно ничему обучать – весь пакет рефлексов заложен в командере. Девчонка спокойно приехала бы домой – и ничего бы не вспомнила...

– И что теперь? – спросил Гор, с любопытством разглядывая Дашу. – Она перестала быть этой... игрушкой?

– Перестала, – заявил Зиг. – Командер, если он там был, растворен «стирателем».

– Что же теперь с ней делать? – задумчиво произнес Мах.

Девушка всхлипнула:

– Только не убивайте меня, прошу вас... Ну, что я вам сделала? За меня вам даже выкуп приличный не дадут. У меня из родственников – только дядя с тетей, они бедные... Или... Или вы... меня... на органы продать хотите...

Лицо ее снова перекосила гримаса страха

Гор подошел к ней, присел на широкий подлокотник кресла, взял в обе ладони холодную напряженную руку. Пристально посмотрел ей в глаза и сказал мягко:

– Успокойся, мы не причиним тебе зла. Мы сами не знаем, что произошло. Но с тобой все будет хорошо...

Убеждение – это очень непростое упражнение. Раньше оно давалось Гору с трудом. Но теперь он чувствовал в себе новые силы. И, как оказалось – не безосновательно.

Девушка перестала дрожать. Лицо ее снова обрело мягкие черты, в глазах появилась прежняя доверчивость.

– Правда? – спросила она. – А когда вы меня отпустите?

– А вот этого я пока не знаю... – честно сказал Гор и посмотрел на Зига.

Тот лишь пожал плечами:

– А что я? Сами решайте. Если Мах уверен в том, что она – просто игрушка...

– Я ни в чем не уверен, – отрезал Мах. – Я знаю только то, что ее использовали против нас. По каким-то причинам – именно ее. Это означает, что она – единственное звено в той цепи, которая тянется от нас к ее хозяевам... Бывшим хозяевам. Лично я за то, чтобы не отпускать ее, пока мы не разберемся.

Гор нахмурился. Ему не очень нравилось держать несчастную девушку в заложниках. Но Мах прав: главная их задача – выбраться отсюда. А для начала – просто выжить.

– Слушай, Даша, ты вообще, куда ехала на этом чертовом поезде? Прости, вырвалось...

– На море, в лагерь, – уже совсем спокойно ответила Даша. – Я должна быть вожатой – две осенних смены. Мы собирались с ребятами, другими вожатыми, на станции встретиться, в Анапе...

– Так, – проговорил Гор, задумчиво запуская пальцы в волосы. – Что ж... Придется тебе некоторое время побыть у нас. Считай, что ты – наша вожатая...

Зиг скрипуче рассмеялся. Мах только лишь покачал головой.

Девушка посмотрела на пленителей ясными глазами и тихо сказала:

– Я так понимаю, что у меня просто нет выбора...

...Сидели вокруг большого прозрачного стола. Прозрачного – не совсем правильное выражение. Стол сделан из невидимого металла – лишь мерцающая полоска безопасности, словно обширный, висящий над полом нимб, говорит о том, что здесь есть что-то твердое. Это единственный предмет мебели, тайно доставленный Зигом из Миров Конгломерата. Он

так и не признался – каким образом ему удалось столь здорово подготовиться к собственному изгнанию.

– Поймите, – виновато улыбаясь, говорил Зиг. – Наверняка мне помогли хорошие друзья. Я не мог их подвести – а потому начисто устранил все воспоминания, связанные с ними. Технология избирательного избавления от накопленной информации – обычная процедура в моей работе. Иначе можно просто сойти с ума от обилия ненужного хлама в памяти...

– И теперь мы не знаем, как все это богатство попало на Землю, – усмехнулся Мах. – Замечательно...

– Но я даже не надеялся на возвращение, – развел руками Зиг. – И, честно говоря, вплоть до отправки сюда рассчитывал, все-таки избежать, Воздаяния. Все это строилось «на всякий случай»... Могу только предположить, что этот э... подвал соорудила автономная строительная капсула, доставленная автоматическим же шлюпом. Когда ко мне вернулась память – а это было лет тридцать назад – я знал только адрес. Между прочим, чтобы попасть сюда, мне пришлось неоднократно пересекать границу. А тогда вокруг была Холодная война...

– Стоп-стоп! – Мах останавливающе поднял руку. – Не надо лишней информации!

– Тем более, что у нас нет техники для ее избирательного удаления, – улыбнулся Гор. – Мах прав: давайте по существу. Мы должны выбраться с этой планеты, и нужно знать – как...

Краем глаза Гор следил за Дашей, которая со спокойным любопытством слушала этот странный разговор.

Он сразу решил: никаких секретов от их невольной заложницы быть не должно. Потенциальную опасность лучше контролировать, чем пускать на самотек. Кроме того, артистическое мышление подсказало, что девушку можно использовать и в собственных целях – пока, правда, не ясно, каких.

Гор регулярно отрабатывал на ней Убеждение: все происходящее она должна была воспринимать, как должное. Лишние вопросы и подозрения со стороны землянки только мешали бы делу.

...Зиг же продолжал делиться с друзьями информацией:

– Выбраться с Земли можно двумя путями: на корабле, либо через Туннель...

– Про корабль можно было и не говорить, – усмехнулся Мах. – На это просто смешно рассчитывать. А что такое – Туннель?

– Туннель – очень интересная штука! – оживился Зиг, и глаза его загорелись. – Подобные ему есть всего в нескольких районах Конгломерата, а потому практически неизвестны в Мирах...

Мах красноречиво откашлялся. Он не любил длинных отступлений. Гор лишь улыбнулся: Сильный окончательно укоренился в бывшем сержанте. И Гору казалось, что качества, присущие этой Линии, в Махе стали проявляться активнее, чем в любом известном ему Сильном. Впрочем – много ли он вообще знал об этих Сильных?..

Зиг, словно спохватившись, заговорил быстрее:

– В общем, Туннель используется для практически мгновенного перемещения между двумя точками пространства. Точно также делают звездные корабли во время Прыжка. Только здесь не нужно никаких кораблей: только лаз входа и лаз выхода. Я не говорил еще, что Туннель – вовсе не изобретение Конгломерата?

– Это что-то из штучек Посторонних? – подался вперед Мах.

Видимо, Посторонние ему просто покоя не давали, подумалось Гору. Уж не с этим ли связано Воздаяние бывшего Мусорщика? Сам Мах до сих пор так и не признался, за что его приговорили к Крайней мере...

– Как ни странно, Посторонние здесь тоже ни при чем, – сказал Зиг. – Туннель – довольно специфическое образование... В общем, это – в какой-то мере живое существо...

– Что?! – изумленно произнес Мах.

Гор лишь поднял брови, ожидая продолжения.

– Это организм. Животное. Очень странный организм, конечно, – Зиг, казалось, любовался произведенным эффектом.

Одна только Даша внимала его рассказу бесстрастно: она то и дело переключалась на изучение своих местами поломанных после схватки ногтей. Она так и не вспомнила свой жуткий поступок, а друзья не сочли нужным открывать ей на это глаза.

– Конечно, это не совсем животное в привычном представлении, – продолжал Зиг. – Сам Туннель обитает в смежном пространстве. Только лазы выходят в наше привычную нам вселенную – в нескольких точках. Есть теория, что Туннели питаются пространством – как бы пожирают расстояние между отстоящими друг от друга лазами. Вход и выход могут разделяться миллионами километров. Это, кстати, ничтожные расстояния по звездным масштабам. Поэтому немногочисленные найденные Туннели используются только в пределах одной отдельной планетной системы – там, где есть входы и выходы, конечно. На Земле, к примеру, есть. И есть на Базе... Кстати, никто до сих пор не представляет, как выглядит Туннель снаружи – и вообще, выглядит ли он хоть как-то в принципе.

– Вряд ли это кому интересно – ведь людям нужны только его кишки – исключительно в качестве дороги, – заметил Гор.

– Я уже чувствую себя паразитом, – брезгливо произнес Мах. – Но также предвижу: лезть туда все-таки придется...

– А другого пути и нет, – тихо сказал Зиг. – Это кратчайший путь на Базу. Ну, а оттуда уже можно попытаться выбраться на корабле...

– База, – нахмурился Мах. – Никогда не думал, что эта здоровенная штука, на которую с такой помпой летали американцы, сделана только для того, чтобы присматривать за несчастными короткоживущими...

– На самом деле, никто не знает, зачем в действительности нужна База, – усмехнулся Зиг. – Она действительно, несколько великовата для заявленных целей. Что я могу сказать, кроме того, что это еще одна тайна древности? Только Созерцатели знают правду. Но они перед нами не отчитываются в своих замыслах... Единственное, что я знаю точно, так это то, что на ней, такой огромной, в действительности не так уж много Сильных, и совсем мало Эстетов. Именно потому я очень надеюсь, что там можно скрыться... Если мы, конечно, ее достигнем...

– А что еще известно об этой Базе? – деловито подавшись вперед, спросил Мах.

По нему видно: он уже производит в голове какие-то тактические построения. Гор невольно подумал, что без Маха любые его с Зигом замыслы были бы обречены на провал – ведь Мах среди них – единственный настоящий воин, способный хотя бы соотнести свои возможности с возможностями противника.

– Больше ничего, – развел руками Зиг.

Мах, разочарованно крикнув, отвалился на спинку стула.

– Отлично! Просто замечательно! – буркнул он и погрузился в свои, несомненно, мрачные, размышления.

Поджигатель с силой вытолкнул крышку люка и упругим скачком выпрыгнул на поверхность. Тяжелый «блин» канализационного люка некоторое время еще грузно крутился на разбитом асфальте.

Интересно, почему Туннель избрал в качестве выходов на поверхность планеты именно канализационные отдушины?

Впрочем, не так уж это и интересно. Хотя довольно символично: сама планета – нагромождение отбросов, и парадный вход на нее ведет через подземелье для нечистот...

Рогги Бур поднял чугунную крышку, небрежно бросил ее на место. Вряд ли в следующий раз придется пользоваться именно этим люком: Туннель то и дело менял расположение

лазов, и только индикатор на панели образов помогал отыскать нужный люк для возвращения. Иногда лаз перемещается в самые неожиданные места, и для возвращения на Базу требуются определенные усилия: не всегда легко забраться в люк, расположенный посреди оживленной транспортной магистрали...

Он всем телом ощущал восстановившиеся, наконец, силы, а душой – злость и желание вернуть вещам положенные места: он, Поджигатель, должен по-прежнему быть абсолютно непобедимым – хотя и тайным – повелителем этого мира. Прозревший же Обреченный, осмелившийся противопоставить себя Сильному, должен обратиться в прах.

Другого не дано.

Поджигателя съедало изнутри нетерпение, не вполне достойное его статуса. Однако кто бы мог сейчас упрекнуть его в излишней эмоциональности? Он снова на Земле – и ему снова позволено то, что даже немисливо вообразить себе там, в строгом и регламентированном обществе Конгломерата.

Поджигатель чувствовал необычайное, даже для самого себя, возбуждение: это странно, но он действительно радовался тому, что у него появился враг, расправиться с которым значило бы больше, чем угробить целую армию тупоголовых короткоживущих.

Конечно же, его поражение – всего лишь досадная случайность. Но кто-то из Мудрых утверждал, что ничего случайного здесь, на Земле, происходить не может. За всем, что творится на поверхности, пристально следят с высоты Базы Мудрые. А то, что хоть сколько-нибудь выходит за пределы их контроля – видно, как на ладони, всеильным Созерцателям...

Рогги Бур четко представлял себе последовательность действий. Слишком много он думал о положенной по Кодексу мести...

Нет, о мести говорить просто смешно! Жалкий Мим, столь неожиданно обведший его вокруг пальца и избежавший угованной участи, не может считаться достойным подлинной мести. Просто он перешел черту – и должен умереть. Не более и не менее.

Поджигатель, не спеша, вникал в информацию, что нашептывал Сервер. Большую часть он уже успел усвоить на Базе – перед самым визитом на поверхность. Но было и кое-что новенькое.

Надо же – Мим теперь не один! Каким-то образом трем прозревшим удалось найти друг друга. Более того – эти наглецы ухитрились избавиться от контрольных меток! И самое поразительное – сумели приклепнуть парочку Ценителей, искавших, надо полагать, куда более легкой добычи.

Этих охотников за удовольствиями как раз не жалко. Но удивляет сам факт.

Конечно же, все это – не более, чем жалкие потуги обреченных. Не зря ведь Обреченные носят это мрачное имя. Никто из брошенных в Точку невозвращения, не скроется от скорой и неминуемой смерти. Конечно, жалкие лет пятьдесят-семьдесят, наполненные болезнями и страданиями, все равно не дадут прозревшим подлинного ощущения жизни. Но теперь те, кто думают, будто ловко обманули судьбу, потеряют даже жалкую отсрочку, дарованную планетой-убийцей...

Поджигатель не получал специального разрешения на активное вмешательство. Он вообще не помнил, чтобы такое вмешательство когда-либо давалось Метрополией. Но он также прекрасно знал, что Сильные неоднократно проявляли собственную инициативу, направляя быстротекущую земную историю по нужному, как им казалось, руслу. Для этого нужно всего лишь почувствовать необходимость такого вмешательства.

А Сильные всегда предают большое значение инстинктам.

У Поджигателя были свои, особые средства, чтобы расправиться с проклятым Мимом и его новыми приятелями. Но действовать «в лоб» было не в его правилах.

Сначала он рассчитывал на то новое оружие, которое пришлось доставить сюда в прошлый визит. Но он так и не понял принцип его действия. Это было очень странно. Конечно,

он не оставил бы своих попыток разобраться, но ему недвусмысленно намекнули, что это – оружие Созерцателей, и не ему, простому Сильному, лезть в это дело.

Рогги Бур тогда несколько опешил, несмотря на то, что удивляться не входит в привычки Поджигателей. Но он впервые слышал о том, что Созерцатели применяют какое-либо оружие сами, без посредства Сильной Линии.

Это непонятно и от того – довольно жутко даже для него.

Созерцателей молчаливо боялись все. Даже ничего не зная о каком-либо их оружии или фактах применения ими силы.

Теперь Рогги Бур хотел доказать себе собственную состоятельность как лучшего из Поджигателей в этом мрачном мире.

Он достал из кармана мобильный телефон и, не долго думая, набрал номер. Он знал много номеров из тех, один лишь звонок на которые мог бы перевернуть с ног на голову любую ситуацию в повседневной жизни людей и даже – в большой политике.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.